

Дмитрий Станиславович Федотов

Аберрация

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805365
Аберрация: Снежный Ком М; М.; 2011
ISBN 978-5-904919-15-3

Аннотация

Из глубин космоса к Земле летит Гость – гигантский астероид. Расчеты показывают, что столкновение неизбежно. Ученые предлагают необычный способ спасения: перевод планеты в параллельное пространство с помощью уникального устройства – генератора римановой метрики. Однако осуществление проекта неожиданно наталкивается на мощное противодействие неземных сил, и в результате происходит аберрация – многократное дублирование земной реальности. Причем времени, чтобы исправить фатальную ошибку, у людей почти нет!..

Содержание

Пролог	4
Часть первая	6
Глава 1. Явление Гостя	6
Глава 2. Инсайт	19
Глава 3. Эксперимент	32
Глава 4. «Серые»	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дмитрий Станиславович Федотов

Аберрация

Пролог

Из обзорного доклада на 37-й объединенной сессии Экономического и Научного советов ООН от 14 сентября 2052 года:

«...Нефтяной и газовый кризисы, последовавшие один за другим в начале тридцатых годов, нанесли тяжелый удар мировой экономике и вызвали череду жестоких «энергетических войн», едва не переросших в термоядерный конфликт...

Соединенные Штаты Америки, присвоившие себе на рубеже тысячелетий статус хозяина планеты, оказались не в состоянии справиться с ситуацией и в значительной степени утратили контроль над мировой финансово-экономической структурой. Разразившаяся вслед за этим в стране Вторая Великая Депрессия быстро переросла в новую гражданскую войну, закончившуюся только после вмешательства Совета безопасности ООН и введения миротворческих сил в зоны боевых действий...

В целом, в этих наисложнейших и тяжелых условиях именно ООН и ее активные структуры смогли остановить надвигавшийся коллапс, фактически же к 2040-му году ООН приобрела статус мирового правительства, признанного большинством государств на планете...

К середине двадцать первого столетия цивилизация сумела наконец преодолеть «кризис среднего возраста» и связанные с ним социальные и экономические потрясения. Произошло это, прежде всего благодаря открытию способа получения энергии из вакуума. Честь открытия принадлежит группе исследователей при Научном совете ООН, возглавляемой двумя выдающимися учеными Кириллом Бересневым и Добраном Житичем...

Новый «джинн» оказался не менее коварным, чем в свое время ядерный. Первый вакуумный преобразователь, построенный в пустыне Калахари, проработал восемнадцать секунд и взорвался, оставив после себя пятно сплавленного песка диаметром тридцать километров и каверну в центре глубиной около ста метров! Этот артефакт виден даже с Луны и получил собственное имя – Глаз Тора¹...

Четыре года назад одновременно русскими и немецкими учеными была доказана принципиальная возможность проникновения в другой пространственно-временной континуум, или параллельное пространство. Пробные эксперименты подтвердили осуществимость этого события. Предлагаемый сегодня проект «Стрела» призван окончательно подтвердить или опровергнуть открывшуюся возможность. Новый вакуумный преобразователь, собранный в Гренландии, послужит источником энергии для спайкера*², как окрестили свое детище ученые...»

*Гренландия, Берег короля Фредерика VI
260 км к северу от Нанорталика
8 июля 2054 года, 11:35 по СМВ³*

¹ Тор – одно из имен Высшего Духа бушменов; он сотворил все сущее и придет в конце времен, чтобы уничтожить созданный им мир.

² Звездочкой отмечены слова, пояснения к которым даны в Глоссарии.

³ СМВ – стандартное мировое время – принятый в 2044 году по эдикту ООН единый способ отсчета локального времени для Земли и внеземных поселений на Луне и Марсе.

Маленький, почти белый, ослепительный диск неподвижно завис над чуть холмистой снежной равниной, раскинувшейся от горизонта до горизонта. Казалось, в мире нет ничего, кроме снега, солнца и ветра. И тем более неправдоподобной выглядела многоступенчатая зеркальная пирамида, застывшая между двух клыкастых торосов.

Два человека в оленьих парках, стоявшие возле прозрачной капли вертолета, оторвались от созерцания пирамиды.

– Вы уверены в успехе, Хичкок? – спросил тот, что повыше, выуживая из-за пазухи портсигар и зажигалку.

– Я ни в чем не уверен, – откликнулся второй. – Я даже не уверен, что спайкер вообще будет работать, – кивнул он в сторону пирамиды.

– Откуда такой пессимизм? – усмехнулся первый, пытаясь прикурить на пронизывающем ветру. – Не вы ли пару месяцев назад стучали кулаком по кафедре на заседании Научного совета ООН в Лондоне и кричали, что лично изведете всех скептиков проекта?

– Да, я! – Хичкок с вызовом посмотрел на коллегу. – А теперь вот все время думаю: не поторопились ли мы?.. Вам легко рассуждать, Роулинг, вы-то в любом случае останетесь ни при чем!

– Ну, хорошо. А что, собственно, может случиться? – Высокий все-таки прикурил и теперь стоял полуотвернувшись от ветра, пряча сигарету в рукавице.

– Все, что угодно!

– Это не ответ, уважаемый профессор...

– Пожалуйста. Еще один взрыв вакуумного преобразователя...

– Вряд ли. – Роулинг небрежно отмахнулся. – Первый взорвался исключительно потому, что не был обеспечен аварийный сброс накопителей. А здесь спайкер высосет из преобразователя все до капли – еще и не хватит!

– Вы забываете, что сама реакция преобразования энергии носит каскадный характер, сродни ядерному распаду. – Хичкок разгорячился и теперь размахивал руками, даже подпрыгивал перед рослым собеседником. – И потом, существует вероятность, что разрыв метрики пространства может произойти непосредственно в объеме спайкера!

– А чем это нам грозит?

– Это, скорее всего, приведет к пространственному коллапсу. Попросту говоря, мы получим здесь «черную дыру»!

– М-да?.. Это действительно было бы неприятно, – Роулинг отбросил окурок, покоился на низкое, будто приклеенное к небосводу светило и дружески хлопнул ученого по плечу: – Идемте, профессор, пора открывать наш «ящик Пандоры»! Я верю вашим расчетам, а они говорят, что все должно пройти гладко. – И он первым полез в вертолет.

– А я не верю, – буркнул себе под нос Хичкок, последовав за Роулингом.

Часть первая СМЕРТЬ ИЗ ПУСТОТЫ

Глава 1. Явление Гостя

Базовая станция ВЭС-008 Службы дальнего наблюдения
12 июня 2060 года, 10:12 по СМВ*

Тимоти Бакстон, дежурный оператор Службы дальнего наблюдения, вышел из галльона и с тоской посмотрел на табло хронометра над входом – еще почти два часа до конца смены! И надо же было так глупо попасться!..

Когда эта хитрая бестия Вэн Чуань невозмутимо ровным голосом предложил ему «отстоять сверхсрочную» за дополнительную неделю отпуска, Тимоти и подумать не мог, во что это для него выльется. Он представлял себе обычное дежурство в паре с очаровашкой Эльзой или на худой конец с хохотушкой Оксаной. Двадцать четыре часа легкого флирта и веселья в разноцветном полумраке наблюдательного отсека – совсем неплохо. А потом – три... нет, четыре недели солнца, моря и горячего песка! Хотя можно и в горы податься, в Тибет например. Тоже экзотика – красные скалы, белый снег и прозрачный до звона ледяной воздух.

Эльза фон Траубенберг, белокурая красotka из Регенсбурга. Холодная и неприступная при всех, на дежурстве она превращалась в обаятельную и умную собеседницу, склонную пощекотать нервы разговорами на эротические темы. Вполне возможно, что на Земле с ней можно было бы продолжить интересное знакомство.

Оксана Кравченко была не во вкусе Тимоти, но с ней ему никогда не бывало скучно. Оксана, похоже, не знала, что такое хандра. А когда пела свои странные славянские песни, вокруг моментально собирался народ, свободный от вахты.

Однажды на дежурстве Бакстон удостоился целого сольного концерта и в порыве благодарности поцеловал девушку в круглую румяную щечку, с трудом произнеся по-русски:

– Оксана – кароша руска баба!

На что получил ошеломляющий ответ:

– Я не русская, а украинка!

Бакстон не знал, огорчаться ему или просить прощения. Выбрал второе. И не прогадал...

И вот когда начальник станции вызвал Тимоти в рубку и с характерным для китайцев свистящим акцентом предложил «сверхсрочную», Бакстон, не раздумывая, согласился. И вяпался по самое «нехочу».

По уставу дежурному оператору не полагалось «ничего отвлекающего внимание», как то: унитача, дримвивера, голографа и прочих девайсов*. Дабы не проглядеть чего-нибудь важного на обзорной полусфере вактера*. В сочетании с отсутствием приятного общества дежурство грозило превратиться в настоящую пытку одиночеством. А для общительного Тимоти оборачивалось и вовсе полной катастрофой.

Сутки ничегонеделания растянулись на месяцы и годы, что там – на века! Бакстон вынужденно изобретал совершенно невероятные развлечения, но их хватало от силы на час-два, а потом снова подступали хандра и апатия. По опыту Тимоти знал, что такое состояние опасно для психики оператора больше, чем «отвлекающие внимание» факторы, поэтому всячески продолжал бороться. Апофеозом его умственного творчества стал трехмерный кросс-

ворд на эротические темы с более чем тысячей слов. За заполнением его ячеек Бакстона и застал сигнал тревоги.

Поначалу Тимоти даже не понял смысла трехтонального, режущего слух звука. С трудом выплыв из транса ментального конструирования, он еще несколько секунд приходил в себя, прежде чем сообразил, что происходит. Четвертый слева экран вактера заполнила пульсирующая прицельная сетка, в перекрестье которой четко высветилась ярко-красная звезда. Конечно, это не был сам возмутитель спокойствия – неопознанный пока объект пространства, – лишь его виртуальный отпечаток в памяти управляющего вактером биотеха*. Но сам по себе факт обнаружения чего-то, представляющего опасность, никак не укладывался у Бакстона в голове. Подсознательно он ожидал, что тревога окажется ложной, что это всего лишь небольшой сбой в работе вактера – глюк, – какие встречаются во всех компьютерных системах. Тем временем сознание, настроенное на подобные ситуации, уже отдало приказ телу выполнить необходимые действия: включить запись, дать команду биотеху на обсчет параметров объекта и его идентификацию, запустить предварительную подготовку системы устранения опасности из космоса – СУОК – и еще массу менее важных операций, регламентированных уставом Службы дальнего наблюдения.

Вэн Чуань появился в зале наблюдения уже через минуту, как будто ждал чего-то подобного. Он буквально материализовался за спиной Тимоти и просвистел:

– Поздравляю, оператор Бакстон! Я в вас не ошибся.

Тимоти так и не понял, с чем его поздравляют, но уточнять не стал. В этот момент ожил терминал биотеха, и они уставились на выплывшую из его глубины картинку.

– Внимание! Докладывает биотех Норг-6, – зазвучал монотонный голос. – Параметры обнаруженного объекта: диаметр – 522 километра, плотность – 4,6, расстояние – 36,5 миллиона мегаметров, скорость – 0,85 мегаметра в секунду, галактический вектор движения – 2,3 градуса, угол склонения к эклиптике – 72 градуса...

Биотех продолжал бубнить, но начальник уже опомнился.

– Откуда он взялся?! Вактеры способны фиксировать возмущение от объекта массой в тысячу килограммов на расстоянии до миллиона мегаметров!..

– Вы посмотрите на его скорость, шеф... – потерянно начал Бакстон и осекся.

– Три миллиона терагонн летят почти в сорок раз быстрее любого из наших кораблей! – Вэн Чуань едва не потерял хваленое китайское хладнокровие. – Невероятно! Так не бывает...

– А биотех ничего не напутал?

– Норг-6! Повтори обсчет основных параметров объекта! – приказал совладавший наконец с собой начальник станции.

– Такое впечатление, что этот монстр возник из пустоты, – проворчал Тимоти.

Он здорово расстроился, и было от чего! Теперь об отпуске можно забыть надолго. По правилам, при возникновении тревожной ситуации вся Служба дальнего наблюдения переходила на режим «А» – круглосуточный мониторинг, – отменить который мог только директор СКБ, лично господин Джамар Шактибинду. А этот человек принимал решения исключительно с тройной перестраховкой.

– Так не бывает, – как заклинание повторил Вэн Чуань. – Планетоиды подобных размеров не могут существовать в войде*! Или он действительно возник только что, или... наши вактеры никуда не годятся.

– Какая разница теперь, откуда взялся этот кусок дерьма! – взвыл Бакстон. – У меня отпуск накрылся! Самый длинный отпуск за все время работы.

Начальник станции посмотрел на него как на полоумного.

– Ты еще не понял разве, что произошло?

– А что такого? В нашу сторону летит какая-то неучтенная каменная хренотень, которую наш долбанный биотех автоматически занес в разряд потенциально опасных объектов.

И теперь по его милости я должен буду вместо серфинга на Гавайях плющить задницу на этой гребаной станции еще как минимум одну двухнедельную вахту!

Выдав эту гневную тираду, Тимоти выскочил из кресла оператора и размахисто зашагал к выходу из зала наблюдения.

– Вы ничего не поняли, господин Бакстон! – ледяным тоном повторил ему в спину Вэн Чуань. – Если параметры движения этого пришельца просчитаны верно и не изменятся в дальнейшем, то встреча с ним неминуема!

*Джакарта, штаб-квартира Службы космической безопасности
12 июня 2060 года, 15:33 по СМВ*

– Это должно было когда-нибудь случиться. – Джамар Шактибинду оторвался от созерцания панорамы тропического мегаполиса, открывавшейся из окна его кабинета на предпоследнем этаже двухсотметровой иглы здания СКБ. – В прошлом нашей планеты такие встречи уже происходили, и ничего хорошего из этого не получалось.

– Вот именно! – откликнулся его собеседник из глубокого кресла в дальнем углу кабинета, превращенного с помощью современных технологий флоринга* в островок канадской тайги. – Но ни ордовикская, ни меловая глобальные катастрофы не привели к полному уничтожению жизни на планете! Хотя «карибский гость» сильно изменил условия...

– Этот «гость», мой друг, не изменит, а убьет планету! – Директор СКБ вернулся к своему рабочему столу, больше напоминавшему терминал центра управления космическими полетами. – «Карибский гость» был всего лишь крупным метеоритом около километра в диаметре, и то сумел натворить дел, а этот...

– Да-да, я уже в курсе, – уныло кивнул собеседник и тоже перебрался из лесного уголка в официальное кресло перед столом хозяина кабинета. – Откуда он взялся, Джамар? Войды не рожают такие крупные объекты!

– Почему именно войд? Гость вполне мог родиться в одном из «шаров»⁴ его стенки.

– Но траектория! Джамар, он летит с идеальным упреждением! Его словно специально нацелили на нас. А скорость?..

– Не знаю, Кирилл, не знаю, – индус покачал седой головой. – Конечно, странность* этого объекта превосходит все мыслимые значения, но сейчас это уже неважно. Если планетоид каким-либо чудом не свернет с нынешней своей траектории, он врежется в Землю или пройдет сквозь ее атмосферу на высотах до ста километров с вероятностью девяносто девять процентов! Понимаешь, что тогда произойдет?

– В любом случае – разрушение коры планеты, изменение орбиты и наклона оси...

– Не только! «Карибский гость» ударил против вращения Земли под углом всего в двадцать градусов, но это привело к гибели восьмидесяти процентов всей флоры и фауны. Причем в основном из-за изменения скорости вращения и наклона оси! Сутки увеличились почти на треть, соответственно возросла сила тяжести – на экваторе более чем на двадцать процентов. Плюс из-за возникшего эксцентриситета угол наклона оси увеличился с двенадцати до двадцати двух градусов. Результат – глобальное широтное изменение климата и возникновение прецессии. Как следствие – малые ледниковые периоды...

– Ладно, не продолжай. – Кирилл Береснев, главный эксперт по астрофизике Службы космической безопасности и член Научного совета ООН, нервно взъерошил свою пышную русую шевелюру. – И так тошно! Я прекрасно понимаю: удар *такого* объекта, даже по касательной, может остановить вращение планеты и содрать с нее всю атмосферу.

Оба помолчали, думая каждый о своем, потом Шактибинду спросил:

⁴ Имеется в виду шаровое звездное скопление (*проф. жарг.*).

- Твои прогнозы? Рекомендации?
- Пока ничего.
- Но я должен собирать сессию Совбеза...
- Собирай. – Береснев пожал плечами. – Один ум – хорошо, а два с половиной...
- Я вызову тебя! Как эксперта.
- Да не знаю я, Джамар! – вскинулся астрофизик. – Не было еще такого! Абсолютно естественный объект, планетоид, а ведет себя, как...
- Сколько у нас времени, Кирилл? – Голос директора стал глухим и грубым.
- Около пятисот суток. Если ничего не изменится.
- Ясно. – Шактибинду поднялся во весь свой немалый рост и сложил ладони в падма-мудру⁵. – Все-таки постарайтесь там, просчитайте всю траекторию, точку запуска... Ребята у тебя головастые.
- Не волнуйся. Зря хлеб есть не станем, – Береснев бодро вскинул сжатый кулак и вышел из кабинета.

Науру, округ Анибар

12 июня 2060 года, 16:25 по СМВ

Виктор почувствовал, что живот наконец основательно припекло, и решил освежиться. Сел, упершись ладонями в горячий песок, и посмотрел на недалекий риф. Самого рифа, конечно, видно не было, но пенный вал четко обозначал границу прибрежной безопасной воды от остального, могучего и неукротимого, Тихого океана. Внутри рифа вода имела приятный аквамариновый оттенок, а за ним – сразу приобретала мрачный синеватосерый цвет.

Виктор посмотрел на небо, потом обернулся назад. Красиво! Вверху светло-голубой купол с почти белым диском солнца, сзади – шевелящаяся стена изумруднозеленых зарослей, под ногами – крупный матоворозовый ракушечник. Виктор встал и направился к воде, лениво лизавшей пляж.

Купание приятно освежило разгоряченное тело, несмотря на то, что вода внутри рифа прогревалась в это время года до двадцати восьми градусов. Но на берегу-то было градусов тридцать пять! Для человека, родившегося в умеренном климате Русской равнины, здешние условия представлялись почти райскими. И когда начальство выдало Виктору отпускные аж на десять дней вместе с билетом Австралийских авиалиний, парень решил, что птица удачи все-таки посещает иногда и простых смертных. Командир крепко пожал Виктору руку и сказал без тени улыбки:

- Смотри, не утони там, «геккон»!
- Это шутка? – Виктор даже рот раскрыл от удивления.
- Ничуть. Самые нелепые неприятности, по статистике, чаще всего происходят с самыми подготовленными и тренированными людьми.

Отряд особого назначения «Геккон» был создан внутри Службы космической безопасности почти вопреки всем правилам. Тот минимум официальной информации, что был доступен обществу и даже высшим правительственным кругам, сообщал лишь сам факт существования некоего подразделения спасателей при Главном управлении по чрезвычайным ситуациям, подчиняющегося непосредственно директору СКБ.

Внешне – никакого криминала. «Геккон» действительно неоднократно участвовал в сложнейших операциях, например по ликвидации последствий взрыва «грязного» термо-

⁵ Мудра – «печать, знак» (санскр.) – пространственно-энергетическая формула, реализующая определенный комплекс изменений духовных и физических параметров своего носителя. Матрицей для формулы служит фигура, созданная кистями и пальцами рук, иногда – ног. Падма-мудра – «Ключ Бога» (санскр.) – эта мудра включает канал для общения с высшими информационными уровнями Вселенной.

ядерного реактора на Гаити, где правительство решило сэкономить на системе безопасности, и в результате половина цветущего тропического острова превратилась в радиоактивную пустыню. Уцелевшая же часть джунглей стремительно мутировала и теперь представляла собой воистину «ящик Пандоры» – никто достоверно не знал, что же там в действительности происходит. Ни один разведчик-биотех оттуда не вернулся, а с воздуха была видна лишь сплошная серо-зеленая шевелящаяся масса. Разобралась тогда в ситуации только группа «гекконов», правда, ценой потери двух бойцов.

Однако условия отбора и, главное, подготовки членов отряда оставались для всех тайной за семью печатями, кроме узкого круга посвященных в проект людей. А знавших суть и цель «Геккона» вовсе было трое, облеченных властью и ответственностью...

– Может, я лучше на Селигер поеду? – Виктор в сомнении повертел в руках радужную пласт-карту авиабилета.

– Успеешь еще. – Командир так и не улыбнулся. – Считай это премией за отлично выполненную работу. Всё, свободен!..

Погуляв по дну лагуны среди кораллового леса минут десять, Виктор вышел из воды и обнаружил, что его одиночество кончилось. Рядом с его скромными пожитками, на роскошном парео, расстеленном прямо на песке, сидело не менее роскошное создание в умопомрачительном бикини. Эпитеты, один заковыристей другого, мгновенно заполнили бедную голову парня и едва не рвались с языка. Конечно, Виктор в свои тридцать два года имел солидный опыт общения с противоположным полом, тем не менее всегда приходил в смущение при таких вот неожиданных для него встречах. И самое печальное, что это смущение ясно отражалось на его широкой славянской физиономии.

Вот и теперь он стоял перед незнакомкой и не мог составить в уме ни одной приличной случаю фразы. Девушка в свою очередь, слегка прищурившись, откровенно рассматривала высокого симпатичного парня и не торопилась помогать ему.

– Здравствуйте, – наконец выдавил из себя Виктор, причем сказал это по-русски, не думая о том, поймут ли его.

– Hi! – улыбнулась девушка и похлопала ладошкой справа от себя. – Sit down!

– Привет! – Виктор тоже улыбнулся и осторожно опустился на песок рядом с платком. – What is your name? – Он решил, что его познаний в английском хватит для поддержания легкого пляжного разговора.

– I think a gentleman should introduce himself first, – рассмеялась девушка и тут же добавила, протягивая узкую загорелую руку: – I'm Mira.⁶

Виктор покраснел и осторожно пожал тонкие пальцы.

– Меня зовут Виктор Береснев, – почти без запинки произнес он по-английски. – Я здесь отдыхаю.

– О, вы русский?! – Мира округлила свои и без того большие фиалковые глаза. – А я сербка. Мира Житич. Я здесь работаю, на станции космической связи.

– Здорово! – вздохнул Виктор. – Круглый год – лето, море, солнце...

– А вы кто по профессии?

– Спасатель. Работаю в бригаде Главного управления по чрезвычайным ситуациям при СКБ. – Он не стал уточнять, что это за бригада – информация о его подразделении проходила по грифу «top secret».

– Ух ты! А скажите, Виктор, это страшно – спасать?

– Шутите? – Береснев недоверчиво покосился на новую знакомую. – Такая работа.

– Но вам же бывает страшно? – Мира смотрела на него с серьезным восхищением.

⁶ Как тебя зовут? По-моему, мужчина должен представиться первым. Я – Мира. (англ.)

– Конечно, бывает. – Виктор пожал плечами. – Ничего не боится только дурак или сумасшедший. Но такие у нас не задерживаются. А вот вам нравится ваша работа? – решил он перехватить инициативу.

– Нравится. – Девушка улыбнулась, и Береснев удивился, как быстро меняется ее настроение. – Я же родилась и выросла здесь, на острове. Мой отец – ученый-физик, а мать – эколог. Они приехали сюда в 2038 году по международному мандату ООН, когда Науру был объявлен ее территорией. Отец возглавил только что открытый Институт физики вакуума, а мама занялась своими любимыми китами-полосатиками. Через год родилась я.

– Постойте-ка, – Виктора осенило, – вашего отца, случайно, не Добраном зовут?

– Да... – Мира удивленно приоткрыла яркие, как коралл, губы без намека на помаду, и Береснев невольно задержал на них взгляд, борясь с желанием тут же поцеловать. – Откуда вы знаете?

– Ну, во-первых, весь мир знает Добрана Житича, ученого, открывшего человечеству неисчерпаемый источник энергии, – нашелся Виктор. – А во-вторых... у спасателей очень развита интуиция.

– Интересно! – Девушка лукаво прищурилась. – Тогда я тоже кое-что угадаю... Вы – сын Кирилла Береснева!

– Ага! – радостно кивнул Виктор, мотнул головой и добавил по-русски: – Надо же! После такой встречи поневоле поверишь в судьбу...

– Что вы сказали? – не поняла Мира.

– Я говорю, таких совпадений не бывает, – снова перешел на английский Береснев. – Я попал сюда случайно, пролетев полмира, и встретил дочь друга моего отца.

– Но это же замечательно!

– С ума сойти!.. – и молодые люди счастливо рассмеялись.

– А где же вы учились? – поинтересовался Виктор немного погодя. – Здесь ведь нет специальных учебных заведений.

– В Сиднее. Я окончила Австралийский технологический по специальности оператора космической связи и вернулась на остров. Станцию тут построили еще пять лет назад. – Мира вдруг легко вскочила на ноги и потянула Виктора за собой. – Идемте купаться, спасатель!

Береснев с удовольствием поднялся, и они, взявшись за руки, побежали к воде.

* * *

Уже вечером, у себя в номере в «Менен-отеле», Виктор полулежал в шезлонге на открытой веранде и, лениво потягивая через соломинку свежий сок маракуйи, вспоминал новую знакомую.

Мира оказалась не только красивой девушкой, но и приятной собеседницей. Виктор не думал, что общение с женщиной может быть настолько интересным и легким. Те редкие знакомые, которые были у него до сих пор, все общение сводили к пустым стандартным развлечениям, вроде посещений различных шоу-баров или купален, и сексу. Такие отношения были необременительны, забывались быстро и потому вполне устраивали Береснева до поры до времени.

И вот теперь судьба совершила головокружительный кульбит, двойное сальто, сперва забросив на экзотический островок посреди величайшего океана планеты, а потом буквально столкнув Виктора с женщиной его мечты да еще оказавшейся дочерью знаменитого ученого и друга его отца. Таких совпадений просто не бывает!

До самого заката они купались, загорали, искали в отливе красивые раковины, пили прохладный кисловатый кокосовый сок из добытого Виктором ореха и говорили, говорили

обо всем на свете, и не могли наговориться. «Надо же, как бывает?!» – удивлялся про себя Береснев. И весело смеялся в ответ на очередную шутку Миры. «Она младше меня на десять лет, а знает о жизни намного больше...» Он с удовольствием рассказывал ей о своей работе, и впервые безо всяких приукрашиваний и фантазий, как делал это обычно, чтобы произвести впечатление на еще одну пляжную красотку. Умолчал Виктор, естественно, лишь об истинных задачах и возможностях членов отряда «Геккон». В свою очередь, он узнал много интересного о работе станции космической связи, о тех людях, что обеспечивают бесперебойную и своевременную передачу информации по всему Внеземелью, в том числе и для них, спасателей.

Молодые люди расстались на автостоянке возле машины Миры, договорившись о новой встрече через день – следующие сутки девушка дежурила на станции по каналу Земля – Марс. Береснев отправился в отель, медленно шагая босиком по теплomu покрытию ленты шоссе, обвивавшему остров гигантской двадцатикилометровой петлей, и вдыхая изумительную смесь океанского воздуха и цветущих вдоль дороги рододендронов...

Виктор допил сок и поставил пустой стакан на низкий столик рядом с шезлонгом. Двигаться не хотелось. Насыщенное солнцем и энергией океана тело настойчиво требовало отдыха. Доносившийся до веранды глухой рокот прибоя также действовал успокаивающе. Поэтому «геккон» не сразу отреагировал на новый звук, вклинившийся в симфонию тропической ночи. А когда осознал, натренированные рефлексy заставили организм мгновенно собраться и выбросить прочь негу и лень.

Касаясь мерцающего «светлячка» на панели инкома*, Береснев уже знал, что его отпуск закончился едва начавшись. Автоматически он посмотрел на часы – 22:34.

– Виктор, это Заремба. – Голос командира был как всегда холоден и беспристрастен. – Извини, но отдых отменяется. По системе объявлена тревога уровня «А». Ты должен явиться на базу «Крым-2» в течение двенадцати часов.

– Принял, – привычно ответил Береснев и огляделся. Сумка его так и стояла в углу комнаты почти не распакованной, не считая полотенца, шлепанцев и плавок.

Голому одеться – подпоясаться. Вот невезуха! И Мире никак не сообщить... Впрочем, почему нет? Он облачился в любимые шорты и рубашку-сетку, сунул еще влажные плавки и полотенце в сумку, быстро написал для девушки на бланке отеля извинительную записку с личным номером связи и спустился в полупустой холл отеля. За консолью администратора скучал тощий морщинистый науруанец в выцветшей «гавайке» и линялых парусиновых штанах. Виктор подошел к нему, протягивая ключ и сложенный вчетверо листок, и медленно произнес по-английски:

– Я должен срочно уехать. Расчета не надо. Отвезите меня в аэропорт. Сейчас. А это письмо отдайте девушке Мире со станции космической связи.

Туземец выслушал его, приоткрыв рот, затем взял ключ и записку и, обернувшись, что-то крикнул на гортанном местном наречии. В дверях служебного помещения появился заспанный подросток в одних купальных трусах. Тощий администратор, нахмурившись, снова выдал гортанную фразу, ткнув пальцем в Береснева, а письмо для Миры сунул в ячейку для корреспонденции. Паренек кивнул и побрел к выходу. Виктор двинулся за ним, справедливо рассудив, что сейчас его отвезут на аэродром. Но оказалось, что курортный сервис закончился. Мальчишка довел «геккона» до автостоянки и протянул ему ключи от машины. Сам же медленно пошел обратно к отелю. На площадке притулились три потрепанные «той-оты» невесть какого года выпуска.

– Эй, парень! – крикнул опомнившийся Виктор. – Которая из них?

Мальчишка, не останавливаясь и не оборачиваясь, махнул рукой на крайнюю справа развалюху и исчез в тени кустов перед отелем.

– М-да, сервис мирового уровня, – пробурчал Береснев, усаживаясь на затертое до белизны сиденье.

В полночь он вылетел на Гавайи на почтовом стратолете «Дакота».

*Париж, главный офис Совета безопасности ООН
14 июня 2060 года, 12:45 по СМВ*

– Это было единственно верное решение, Джамар! – Высокий сухопарый человек за столом в конце просторного светлого кабинета решительно прихлопнул широкой ладонью по полированной поверхности.

– Ядерный щит не способен отразить удар такой силы, – спокойно парировал директор СКБ. – Вы же слышали заключение экспертов моей Службы.

– У меня есть сомнения по поводу объективности твоих экспертов, Джамар, – жестко произнес хозяин кабинета. – Я назначил повторную экспертизу. От Совбеза.

– В таком случае, господин Роулинг, мне здесь больше делать нечего. – Шактибинду поднялся из глубокого кресла напротив стола и слегка наклонил седую голову. – Остаюсь официально при своем мнении. Мы зря растратим запас торпед. Они лишь расколнут планетоид на несколько кусков, но не изменят их траектории. Если вообще попадут в него!

– Но твоё предложение также невыполнимо!

– От чего же? Вывод астероида на встречный курс и разгон его до половины скорости Гостя – задача технически вполне осуществимая нашими средствами. Если начать немедленно, то столкновение произойдет на расстоянии около ста миллионов мегаметров, а угол разлета осколков составит более тридцати градусов. В этом случае даже Луна не пострадает. А метеоритный дождь переживем – не смертельно.

Председатель Совбеза вынул из ящика стола резную вересковую трубку и принялся медленно и тщательно набивать ее табаком из перламутровой шкатулки, стоявшей перед ним. Шактибинду молча наблюдал за его действиями, по-прежнему стоя у стола. Также медленно Роулинг раскурил трубку, выпустил дым через ноздри и сказал:

– Я подожду выводов моей экспертной комиссии, Джамар. Извини.

– Не стоит, господин председатель, – усмехнулся тот одними уголками губ. – Если что, найдете меня по инкому.

Он сложил смуглые руки в традиционном индусском приветствии и вышел. Председатель Совбеза некоторое время продолжал курить, глядя на закрывшуюся за Шактибинду дверь, потом отложил дымящуюся трубку и набрал на консоли интера* длинный цифровой код. Через несколько секунд вспыхнул экран встроенного видеофона, и на нем появилось пухлое озабоченное лицо африканца.

– Привет, Мбонга! – растянул тонкие губы Роулинг. – Как дела в джунглях?

– Все шутишь, Фрэнк? – надулся собеседник. – Какие могут быть дела, когда финансирование проекта практически остановлено?

– Кем же это?! – Председатель Совбеза тоже посерьёзшел.

– Не знаю! Похоже, кому-то в вашей конторе не по душе эксперименты со временем. – Африканец немного отодвинулся от экрана и стало видно, что он сидит в каком-то полусферическом помещении за огромным выгнутым пультом со множеством дисплеев и индикаторов. – С прошлого месяца мы не получили ни одного заказа на спецоборудование! Я уже не говорю об элементарных поставках бытового плана.

– Что же ты молчал? Я немедленно займусь этим!

– Займись, займись... Представляю, сам председатель Совбеза ООН лично допрашивает нерадивых интендантов из управления по снабжению и срывает с них погоны!

– И сорву, если понадобится. – Роулинг поморщился. – Как же они не понимают, что твой проект – это и их будущее тоже?

– Кстати о проекте. – Африканец деловито пробежался толстыми пальцами по клавишам пульта. – Есть обнадеживающие результаты, Фрэнк. Вчера нам удалось сформировать хроносферу диаметром почти в дюйм! И она продержалась около десяти минут.

– Ах ты, старый негодяй! – возмутился Роулинг. – Ты обязан был мне доложить сразу же! Мы ведь договаривались.

– Извини. Но сначала я все же должен докладывать директору СКБ, как своему непосредственному начальнику. – Мбонга вытащил из кармана комбинезона платок и вытер им лоснящуюся лысину.

– Начальник – он, а спонсор – я! – жестко сказал председатель Совбеза. – Короче, выкладывай то, о чем ты *не* доложил Джамару.

– Ладно. Как ты знаешь, шесть лет назад в Гренландии с помощью «прокалывателя», то есть спайкера, была сделана попытка проникновения в параллельное пространство...

– Я в курсе, и давай без лирики! – Роулинг снова взялся за трубку, раскурил ее и уставился тяжелым взглядом на экран связи.

– ...но оказалось, что это не так просто, – невозмутимо продолжил африканец. – Поскольку в основу идеи был положен принцип осцилляции хроновектора, а не квантования мерности пространства...

– Ты не на лекции, Мбонга! – уже сердито осадил его Роулинг.

– Извини. Так вот. В ходе эксперимента со спайкером выяснилось, что при линейном изменении временной координаты, пространственные менялись совершенно произвольно, точнее, по законам римановой метрики*. В результате образовавшийся пространственный канал оказался нестабильным, без четкой координатной привязки. Более того, «выстрел» спайкера практически ушел в никуда! Канал свернулся через девять с половиной минут.

– Помню, помню! Уважаемый профессор Хичкок вырвал у себя на голове последние волосы и подал в отставку с поста председателя Научного совета...

– Вот именно. Ни о каком проникновении в иной континуум при таких результатах не могло быть и речи. Тогда-то небезызвестный тебе Тойво Кекконен из Скандинавского физического центра и предложил идею «Хроноса» – генератора риманова пространства, – а его русский коллега Олег Малышев придумал систему хрононавигации, решив тем самым проблему входа-выхода.

– Зачем все эти экскурсии? К чему ты клонишь, Мбонга? – Роулинг недобро прищурился.

– К подводному рифу, на который напоролся наш нынешний проект. – Африканец и ухом не повел.

– Не понял...

– Энергия.

– Объясни.

– Ты знаешь, что от прямого преобразования энергии вакуума пришлось отказаться из-за одной неприятной особенности...

– Каскадная реакция, – кивнул председатель Совбеза.

– Именно! Поэтому сегодня нам приходится довольствоваться крохами, что образуются при работе вактеров. Вчера для создания и поддержания дюймовой хроносферы мы за десять минут эксперимента потратили почти мегаватт! Нетрудно подсчитать, что только для создания кокона, способного вместить человека, энергии потребуется в сто раз больше. – Африканец снова вытер платком вспотевшую лысину.

– Иными словами, даже для простого перехода туда-обратно понадобится мощность целой ядерной станции? – уточнил Роулинг, посасывая потухшую трубку.

- Именно, – кивнул Мбонга. – Нужно искать другой источник энергии.
- Боюсь, что на поиски времени у нас не остается, – хмыкнул председатель Совбеза.
- Почему?

– Даю информацию не для распространения. – Роулинг поймал взгляд африканца. – К нам летит Большой Гость. Увернуться или как-либо избежать встречи, по-видимому, не удастся.

Несколько секунд оба молча смотрели друг другу в глаза, потом Мбонга хрипло спросил:

- А ядерный щит?
- Эксперты уверяют, что он не сработает.
- Чьи эксперты?
- Безопасников.
- А твои?

– Мои пока молчат, но, думаю, придут к такому же выводу. – Роулинг принялся методично чистить трубку. – Слишком уж велик Гость.

– Зачем ты мне это сказал? – Африканец теперь не выпускал платок из рук, непрерывно вытирая им то лысину, то шею.

– Ну, положим, надеюсь таким образом стимулировать твои мозги... на поиски нового источника энергии.

– Источник есть, нужен способ его использования.

– Ах да, виноват, запямятовал! – притворно вздохнул председатель Совбеза. – Вакуумные преобразователи взрываются, бактерии не годятся...

– Сколько же у нас времени? – Мбонга словно не заметил издевки.

– Примерно год, или чуть больше. Что скажешь, дружище?

– Собственно, источник искать не надо, он есть, – повторил африканец, сглотнул и потянулся куда-то за экран. В его руке появился высокий бокал с зеленоватой жидкостью. Мбонга отхлебнул из него, поставил бокал обратно и продолжал, словно с самим собой: – Вакуум... Девяносто пять процентов нашего континуума – чистая энергия. Если бы удалось как-то обойти фазу каскадной трансформации...

– Поздравляю! – оскалился Роулинг. – Процесс пошел.

– Ты же знаешь, мы пока лишь делаем пробные шаги в использовании запасов энергии вакуума. Прямые преобразователи фактически представляют собой бомбы, в сотни раз мощнее любой термоядерной. Бактерии – единственный реальный результат на сегодняшний день.

– Знаю. Но это – из другой оперы. Думайте! На то вы и ученые!

– На это уйдут годы, Фрэнк...

– У нас нет даже одного года! – рявкнул председатель Совбеза. – Этот пришелец, если и не врежется в планету, то пройдет настолько близко, что сдерет всю атмосферу и вызовет приливную волну такой высоты, что Гималаи превратятся в скалистые островки! Весь озоновый слой выгорит за секунды, разом проснутся все вулканы, а тектонические плиты материков встанут на дыбы! У нас нет ни одного шанса уцелеть... в этом мире.

– А Луна, Марс?..

– Мой наивный шоколадный друг, сразу видно, что ты ничего не понимаешь в экономике. Луна, скорее всего, тоже пострадает – ее судьбу просто пока еще никто не просчитывал. А Марс... На сегодняшний день там обретаются около тысячи человек. Потенциально на трех имеющихся базах можно разместить еще примерно столько же. Но главное, Марс жизненно зависит от Земли! Не станет Земли – умрет и Марс.

Снова воцарилось молчание.

– Так ты не будешь обнародовать новость о Госте, Фрэнк? – глухо спросил Мбонга.

– Отчего же? Скрывать такого рода информацию никто не имеет права, – развел руками Роулинг. – Правду нужно говорить всегда. Но не всю!

– Что же нам делать?

– Работать, друг, работать! Шевелить извилинами, искать выход. А сообщение о Госте появится в Сети завтра.

– Значит, паника начнется через сутки, – вздохнул африканец.

– Не будет никакой паники, Мбонга! – посуровел председатель Совбеза. – Затем мы тут и поставлены. Удачи тебе и твоим головастикам! – И он прервал связь, не дожидаясь ответа ученого.

Посидел немного, постукивая по столу трубкой, затем набрал на консоли интера еще один код. Вновь засветившийся экран долго оставался пустым, и Роулинг уже протянул было руку, чтобы отменить вызов, но в этот момент раздался сигнал соединения.

– Доброго времени суток, председатель, – прошелестел странный безликий голос. Экран по-прежнему был пуст.

– Это ты, Карлос? – нахмурился Роулинг. – Что за шутки?..

– Я не шучу. И я – не Карлос Кастилья. – Голос не имел обертонов и вообще никакой эмоциональной окраски, и тем не менее Фрэнк почему-то был абсолютно уверен, что говорит живой человек. Вот только человек ли?..

– С кем я говорю? – Роулинг выпрямился в кресле и постарался придать своему голосу жесткость. – Немедленно представьтесь! Вы нарушаете международный закон о личных контактах! – Он бросил быстрый взгляд на дисплей страж-системы – там уже вспыхнуло окно предупреждения о несанкционированном подключении, и замигала шкала поиска абонента, пошел обратный отсчет секунд: 40, 39, 38...

– Я не имею отношения к вашим международным законам, председатель, – невозмутимо продолжал таинственный невидимка. – Я лишь хочу остановить Гостя, как и вы.

– Кто же вы? – настойчиво повторил Роулинг, уже совладав с собой и машинально отметив оговорку абонента насчет «ваших законов». – Должен же я вас как-то называть?

– Мне это безразлично, председатель. Называй, как тебе удобно.

– Может быть, «Призрак»?..

– Согласен. Хотя я вполне материален. – Невидимка выдержал эффектную паузу, и Роулинг снова засомневался: все-таки его собеседник – человек. – Итак, председатель, у вас возникла серьезная проблема – Гость! – продолжил Призрак. – Должен информировать, что он и для меня представляет непростую задачу, которую необходимо решить.

– Ну, так приходите и мы все обсудим, – решил подыграть Роулинг.

– Благодарю за приглашение, но пока я не имею физической возможности сделать это.

«Вот ты и попался! – возликовал про себя председатель Совбеза. – А еще через пятнадцать секунд тебя вычислит страж-система!»

– Что же вам от меня нужно? – озабоченно поинтересовался он вслух.

– Чтобы вы уничтожили Гостя.

«А самому слабо?» – едва не сорвалось у Роулинга с языка. Он покосился на контрольный дисплей страж-системы: 10, 9, 8, 7...

– К сожалению, у нас нет для этого средств и времени...

– Средства есть и времени тоже достаточно! – Впервые за время разговора в голосе Призрака проскользнуло раздражение.

...3, 2, 1, 0. Сейчас! Роулинг впился глазами в экран: «Абонент не определен. Повторить поиск?» Дьявол! Да кто же ты такой?!

– Мы даже не знаем, что к нам летит и откуда оно взялось! – почти выкрикнул он.

– Гость – следствие вашей ошибки, которую вы совершили шесть лет назад. Но теперь это уже не имеет значения. – Голос снова стал ровным. – Его надо уничтожить.

– И каким же образом, господин Призрак? – процедил председатель Совбеза сквозь зубы, борясь со вспышкой ярости.

– Используйте «Хронос».

– Это технически не осуществимо. «Хроносу» нужен океан энергии! У нас нет такого источника, – все еще раздраженно отмахнулся Роулинг, даже не обратив внимания на невероятную осведомленность незнакомца.

– Есть. Просто вы еще не поняли, как его использовать.

– Ну, так подскажи! – Американец нарочито резко тоже перешел на «ты».

– Это не в моих правилах, председатель. Ваши ученые в состоянии сами решить такую техническую проблему.

– Слушай, парень, ты меня достал! – окончательно взорвался Роулинг. – Но и я тебя достану! Хоть из-под земли! Не думай, что тебе удастся отсидеться после подобной выходки.

– А вот это для вас действительно технически неосуществимо, – невозмутимо парировал Призрак.

– Да я...

– Краковский университет, председатель...

Экран погас прежде, чем Роулинг успел среагировать. Он с досады саданул кулаком по подлокотнику кресла.

Кто же ты все-таки такой – Призрак?! Невидимый и неуловимый, всезнающий и недоступный?.. Источник, видите ли, у нас есть, но мы пока не знаем, как его использовать!.. Надо же! А когда поймем, будет поздно!.. И чего ты добиваешься? «Гость – следствие ошибки, совершенной шесть лет назад...»

Шесть лет назад...

Пробный запуск спайкера! Неужели неудавшийся эксперимент с «прокалыванием пространства» каким-то образом породил этого монстра, что летит, будто снаряд в цель? А может, тот же спайкер породил и Призрака?.. Почему бы нет? Технические подробности можно пока опустить, пусть ими головастики из Научного совета занимаются, но не связать эти два странных артефакта – Гостя и Призрака – мы просто не имеем права. Закон парных случаев в действии. Кажется, ты попался, Призрак!

Роулинг поспешно ткнул сенсор внутренней связи на консоли интера.

– Слушаю вас, господин председатель, – с готовностью откликнулся на экране щуплый вихрастый молодой человек.

– Здравствуй, Брэдли, мой мальчик, – по-отечески улыбнулся Роулинг. – У меня для тебя есть новый «орешек»!

– Я весь внимание, шеф. Люблю «орешки»!

– Я в курсе. Так вот, прикиньте-ка со своим «Аристотелем» вероятность проникновения в нашу Вселенную иного разума из параллельного пространства.

– Ух ты! – У парня на экране округлились глаза. – Неужели «Хронос» заработал?!

– Пока – нет. Но надо учесть эксперимент со спайкером – «прокалывателем пространства» – шесть лет назад в Гренландии, который сочли неудачным.

– Гуманоид?

– Что?

– Носителем разума подозревается гуманоид?

– Необязательно.

– А какой, предположительно, ай-кью?⁷

⁷ IQ – intellectual quotient (англ.) – коэффициент интеллектуальности. Впервые предложен В. Штерном в 1912 году для оценки возрастных умственных способностей.

– Не знаю... – Роулинг в замешательстве потерял кончик носа. – Максимально допустимый.

– Предела интеллекта не существует, шеф, – развел руками Брэдли.

– Тогда возьми уровень гения.

– Принято! Получу результат – позвоню.

– Желаю удачи, мой мальчик.

Председатель Совбеза откинулся на удобную спинку своего кресла и прикрыл глаза. Итак, мельница событий, долгое время лениво крутившая лопастями, начала стремительно набирать обороты. Жернова фортуны вновь пришли в движение, и теперь задача любого «гомо сапиенс» с ай-кью выше ста не попасть в их смертельные объятия. Себя Роулинг, естественно, относил к интеллектуальной элите и задачу сохранения собственной жизни ставил впереди всех прочих. Если же при этом будут спасены еще чьи-то жизни или жизнь на планете целиком, – что ж, тем лучше! Да, кстати, что-то там еще было сказано про Краковский университет?.. Надо будет непременно заглянуть туда на днях. А вдруг действительно тамошние головастики чего-то уже накопили?

И чтобы окончательно успокоиться, председатель Совета безопасности Организации Объединенных Наций вновь принялся набивать трубку отборным английским табаком.

Глава 2. Инсайт

*Париж, Сорбонна, штаб-квартира Научного совета ООН
19 июня 2060 года, 10:15 по СМВ*

Кирилл Береснев пружинисто спрыгнул на матовые металлопластовые плиты посадочной площадки, проигнорировав услужливо выдвинутый пилотом-биотехом трап. Здесь, на крыше стометровой «скалы» здания Научного совета ООН, входившего в гигантский комплекс построек университета Сорбонны, господствовали ветер и солнце. Береснев отошел подальше от винтолета, выпрямился и с удовольствием вдохнул этой чудесной смеси.

Почти прана! Понятно, почему Джамар предпочитает проводить отпуск в родных Гималаях – там настоящее царство ветра и солнца, жизни и движения.

Главный эксперт по астрофизике Службы космической безопасности и действительный член Научного совета ООН профессор Кирилл Береснев в свои пятьдесят пять лет выглядел не более чем на сорок. Поджарая спортивная фигура, волевое, даже жесткое лицо без признаков морщин, пышная русая грива зачесанных назад волос и прямой, открытый взгляд серых глаз не оставляли у собеседника сомнений, что перед ним молодой мужчина, только вышедший на свой главный жизненный путь. А Береснев не любил разочаровывать людей. Зато обожал делать приятные сюрпризы. Один такой «сюрприз» тридцать два года назад закончился женитьбой и рождением сына Виктора. Но семейное счастье оказалось недолгим. Четыре года спустя Эльвира погибла во время землетрясения на Ямайке, попав под оползень вместе с группой вулканологов. И Виктор получил в результате исключительно мужское воспитание...

Кирилл обернулся, махнул рукой пилоту. Винтокрылая машина втянула невостреванную лесенку и со свистом рванулась прочь от здания. Береснев взглянул на таймер в браслете инкома и решил задержаться на крыше еще пару минут. Отсюда просматривался весь комплекс Сорбонны – старейшего из научных центров Европы.

Основанная в 1258 году теологом Робером де Сорбоном, духовником самого Людовика Святого, как богословская школа и приют для бедных студентов, впоследствии Сорбонна превратилась в богословский факультет Парижского университета. Но не прошло и пятидесяти лет, как репутация Сорбонны затмила весьма многие старые богословские факультеты Европы. Курс обучения на факультете длился десять лет! На последнем экзамене выпускник с шести часов утра до шести часов вечера подвергался нападению двух десятков диспутантов, которые сменялись каждые полчаса, он же был лишен отдыха и не имел права за все двенадцать часов экзамена ни пить, ни есть. Выдержавший испытание становился доктором Сорбонны и увенчивался особой черной шапочкой. Несмотря на ряд темных и нелицеприятных фактов в своей биографии, эта богословская школа весьма успешно просуществовала вплоть до 1790 года. А в 1808 году Наполеон Бонапарт специальным вердиктом окончательно превратил Сорбонну в университет – вместилище передовых наук...

Береснев усилием воли вернул себя к действительности, бросил последний взгляд на панораму университета и города и поспешил к прозрачному колпаку лифтовой шахты.

Сегодня на заседании Научного совета ожидался «мозговой штурм» проблемы Гостя. Предыдущая неделя вся ушла на бюрократические согласования и проволочки. Люди просто не привыкли работать в режиме форс-мажора, многие отказывались верить в угрозу, считая недоразумением, «уткой» газетчиков и сетевиков, и потребовалось немало времени, чтобы убедить их в обратном.

Свою долю нерешительности в поведение ученых внесли и безопасники. Как космические, так и земные. Шактибинду сообщил Бересневу о «конфликте» с Совбезом ООН уже

на следующий день после сенсации. Индус настоятельно рекомендовал не затягивать собрание Научного совета, и Кирилл был с ним полностью согласен.

Астрофизик вошел в малый зал для совещаний ровно в половину одиннадцатого. Согласно внутреннему распорядку работы совета председательствовали его члены поочередно. В этот раз выпало вести заседание большому и рыхлому Салаху Арафату, ректору Национального университета Дамаска. Сириец уже сидел на председательском месте, едва уместившись в эргономичном кресле-трансформере. Автономный микрочип кресла, видимо, так и не смог подстроить его профиль под необъятную тушу ученого.

Кирилл прошел мимо председательского возвышения и уселся в первом ряду, по соседству с веселым и жизнерадостным Хорхе Бандерасом. Бразилец тут же расплылся в ослепительной улыбке, наклонился к Бересневу и громко прошептал:

– Рад встрече, амиго! Давно не виделись.

– Привет, мачо! – Кирилл улыбнулся в ответ. – А почему шепотом?

– Сеньор Салах сегодня не в духе. Он плохо переносит перелеты, а стратолет за ним посылали аж на Багамы.

– Сочувствую господину Арафату. Кого еще ждем? – Береснев оглянулся, обвел глазами зал.

– Как всегда – Валлентайна, – хмыкнул Бандерас. – Да еще Ивков где-то запропастился...

– А что с Цветаном?

– Сообщил, что прибудет утром, но до сих пор на связь не вышел.

В этот момент дверные панели разошлись, и в зал торопливо вбежал высокий и смуглый Ивков.

– Прошу прощения, господин Арафат, – с порога закричал болгарин на ломаном английском, – но я разбил свой браслет!

– Это не причина для опоздания! – желчно проворчал сириец, но его услышали все, так как интер-связь уже оказалась включена. – Ну что ж, коллеги, – он шумно вздохнул, – пожалуй, начнем. Господин Береснев, прошу!

Кирилл активировал пульт своего кресла. Свет в зале померк, рядом с подиумом председателя вспыхнул объем головизора. Кирилл вложил шарик информера в гнездо пульта, и в головизоре проявилась трехмерная звездная карта.

– Как вы все уже знаете, – спокойно заговорил Береснев, – двенадцатого июня одна из станций СКБ обнаружила в глубоком космосе аномальный объект. Вот его основные характеристики...

В видеообъеме возник слегка вытянутый, неправильной формы буро-коричневый астероид, над ним поплыла ярко-алая строка данных: масса, плотность, скорость, галактическое склонение и прочее. По залу прокатилась волна вздохов и восклицаний.

– Прямо монстр какой-то! – громко произнес Бандерас.

– Да, габариты Гостя впечатляют, – продолжил Кирилл. – Но более всего поражает его... целеустремленность, что ли? Такое ощущение, что он летит именно к Земле. Траектория рассчитана идеально.

– И какой же вы делаете вывод, профессор? – пропыхтел председатель совета.

– Вариантов, собственно, два. Либо Гость запущен кем-то специально, либо он сам выбрал такое направление.

– То есть, вы хотите сказать, что здесь мы имеем дело с феноменом ВР?⁸ – желчно поинтересовался из дальнего ряда ксенолог Бернштейн.

⁸ Феномен ВР – ксенологический термин, описывающий наблюдаемые события как проявление деятельности внемозного разума.

– Похоже, что так, – пожал плечами Береснев. – А вы можете предложить другое объяснение?

– Конечно! – Маленький щуплый израильтянин возбужденно вскочил на ноги. – Объект является артефактом, порожденным одним из шаровых скоплений стенки нашего войда. Вам, как астрофизику, должно быть известно, что «шары» иногда «стреляют». И, кстати, не только астероидами, порой настоящими звездами!

– Действительно, в истории наблюдений глубокого космоса зафиксировано несколько таких «выстрелов», – согласился Кирилл, – но в данном случае расчет обратного вектора движения Гостя не указал ни на одно из шаровых скоплений в стенке войда.

– А результаты встречи с... Гостем уже просчитаны? – поинтересовался председатель.

– В первую очередь, господин Арафат. – Береснев коснулся пульта управления кресла, и в головизоре появилась интерактивная схема сценария грядущего события. – Варианты сценария просчитаны как экспертами СКБ, так и аналитиками Совбеза ООН. И в данном случае достигнуто редкостное единство. Собственно, вариант один: гибель планеты! А как именно – уже детали.

Некоторое время зал молчаливо созерцал мрачный и зловещий видеоряд катастрофы, и когда головизор погас, еще долгую минуту никто не шевелился. Наконец председатель совета шумно вздохнул, откашлялся и произнес официальную формулу:

– Итак, господа, какие будут предложения?

– Я так полагаю, что сценарий расстрела Гостя термоядерными ракетами уже промоделирован Совбезом? – раздался из левого угла зала низкий, рокошующий голос. Со второго ряда поднялся (вернее, воздвигся) белокрысы гигант в обтягивающем светлом комбинезоне с эмблемой «Экоса» – Экологической службы ООН – на рукаве.

– Назовите себя, – напомнил председатель, отдуваясь и обмахиваясь веером, хотя в помещении поддерживался «комфортный режим».

– Эрик Ларсен, директор Скандинавского отдела «Экоса», магистр экологии.

– Вы правы, господин Ларсен, – повернулся к нему Кирилл. – Ни вариант разрушения, ни изменение траектории при помощи термоядерного арсенала ООН не дали обнадеживающих результатов на модели.

– А астероидная атака?

– И такой сценарий тоже проверяли. В принципе он проходит, но есть проблема: отсутствие в ближнем космосе подходящего тела. За ним придется лететь в пояс астероидов, а у нас в запасе не больше года! Атака же даст эффективный разлет осколков только, если ее провести не позднее восьми месяцев. Нам просто не успеть вывести астероид на траекторию и разогнать его до нужной скорости...

Гигант-эколог озадаченно провел ладонью по соломенному ежику волос на своей голове:

– Что же, нет никакой возможности избежать столкновения?

– Есть! – звонко раздалось от входа в зал.

Все присутствующие непроизвольно обернулись. К подиуму председателя стремительно шел сухой и длинный, как палка, профессор из университета Атланты Питер Валлентайн. Полы его расстегнутого пиджака развевались за спиной, а вечно взъерошенная голова с орлиным носом вертелась, казалось, на все триста шестьдесят градусов, обозревая зал.

– Есть реальная возможность избежать гибельной встречи с планетоидом! – громко повторил Валлентайн, останавливаясь перед подиумом. Он вынул из кармана пиджака серебристый шарик информера и продемонстрировал его коллегам. – Прошу, господа, ознакомиться. – Американец протянул информер Бересневу, и тот вложил его в гнездо пульта своего кресла. – Идея проста, как орех!..

В объеме головизора вспыхнула трехмерная модель Солнечной системы, на краю объема замерцал алый шарик и двинулся под крутым углом к эклиптике. Зеленый шарик Земли медленно плыл по своей орбите. Алый пришелец, напротив, несясь ей наперерез, и когда столкновение уже казалось очевидным, зеленый шар вдруг странно померк и... исчез! Но как только алый шар миновал плоскость эклиптики, шарик Земли вновь проявился на своей орбите и продолжил неспешное движение.

Изображение погасло, и в зале воцарилась гробовая тишина.

– Ну и что все это значит, уважаемый профессор? – прокричал со своего подиума председатель.

– Хроноскок! – важно изрек Валлентайн. – Вы забыли, коллеги, о проекте «Хронос». А между тем главной целью его было и остается проникновение в параллельное пространство путем изменения направления вектора основного временного потока. Достаточно поместить нашу планету внутрь хроносферы, и мы спокойно разминемся с Гостем и во времени, и, соответственно, в пространстве! – Американец торжествующе обвел горящими глазами зал.

– Браво, профессор! – хлопнул в ладоши Бандерас. – А теперь подскажите нам, где взять ту прорву энергии, что потребуется для подобного финта?

– Из вакуума, амиго, из Великой Пустоты! – негромко произнес Береснев, но его услышали все. – И, кажется, я даже знаю того, кто эту проблему уже решил!..

*Россия, база «Крым-2» отряда особого назначения СКБ «Геккон»
25 июня 2060 года, 11:55 по СМВ*

Огромный черно-белый гриф сидел на самой макушке тридцатиметровой скалы, нависшей над грохочущим потоком Учан-Су. Эта короткая, но мощная и довольно многоводная речка уже больше сотни лет питала своей «летучей водой»⁹ Могабинское водохранилище, что давало жизнь Ялте и доброй половине Южного бережья. Неподвижная птица казалась порождением скалы, будто высеченная неизвестным мастером в незапамятные времена. Только глаза грифа внимательно и зорко наблюдали за панорамой вокруг.

– Достанешь? – кивнул Заремба на птицу.

– Жалко, командир, – пожал плечами Виктор, жуя сухую травинку.

Оба «геккона» сейчас были почти невидимы для стороннего наблюдателя. Облаченные в комбезы безопасников, снабженные активной маскирующей системой, они практически сливались с окружающими скалами.

– Я же не предлагаю тебе его ловить, лейтенант! – хмыкнул Заремба, снял с пояса плоскую фляжку и сделал глоток. – Добудь перо этого властелина высоты, и будем считать твою подготовку законченной.

– К чему, командир? – Береснев выплюнул травинку и внимательно посмотрел на Зарембу. – Вы так и не сказали: к чему нас готовят?

– Принеси перо грифа.

Виктор бросил короткий взгляд наверх, затем одним сложным движением освободился от комбеза и обуви, оставшись в коротких шортах. Заремба восхищенно цокнул языком:

– Ну, ты прямо – Каммерер на Саракше, день первый!¹⁰

– А разве мы, «гекконы», изначально не создавались по этому образцу?

– Наверное, да. Но мы – лучше!

⁹ Учан-Су – буквально: Летучая Вода (тюрк.).

¹⁰ См. роман А. и Б. Стругацких «Обитаемый остров».

Береснев странно посмотрел на командира, повернулся к скале и... исчез! Вернее, исчез для обычного человека. Заремба продолжал наблюдать за действиями Виктора, хотя и с трудом, потому что «геккон» буквально размазался от скорости в мутное пятно. Чуть больше полутора секунд ему понадобилось на преодоление полусотни метров до подножия отвесной скалы. Проявившись на мгновение, Береснев снова исчез, чтобы спустя еще три секунды возникнуть уже на самой вершине, точно позади грифа. Черно-белый гигант, должно быть, почувствовал изменение обстановки, но среагировать не успел! Он только поворачивал голову, а Виктор снова был у подножия и уже в нормальном, человеческом темпе вернулся к Зарембе.

– Держи, командир. – Береснев протянул ему длинное двухцветное перо. – На память.

На скале гриф, видимо, наконец сообразил, что его обокрали, и возмущенно заорал, распутив великолепные крылья.

– Обиделся, – хохотнул Заремба, вертя в пальцах перо. – Ну, брат, облачайся и пошли.

– Вы обещали ответить на мой вопрос, командир...

– Экий ты упрямец! Не зря я тебя своим замом назначил, – покрутил головой Заремба. – Если честно, я и сам толком не знаю. Но сегодня должен прибыть один очень осведомленный человек, и как раз по этому поводу. Так что, идем. И чтоб ни одна мышь!..

Через несколько секунд оба «геккона» превратились в призрачные силуэты, метнувшиеся в сторону полуденного солнца.

* * *

Вот уже десять дней база «Крым-2» гудела, как рассерженный улей. Сюда срочно был стянут почти весь личный состав отряда «Геккон». Не хватало двух-трех человек, отсутствовавших в это время на Земле.

Собственно, члены отряда были не совсем людьми. То есть, конечно, они оставались и внешне, и психически вполне нормальными гомо сапиенс, но на самом деле являлись добровольными участниками проекта «Next», разработанного биохимиками и физиологами Службы космической безопасности. Проект представлял собой своеобразную альтернативу биотехам: не создание искусственных организмов, а улучшение свойств натуральных с той же целью – для максимальной адаптации к агрессивной внешней среде. Проект предложил еще предшественник Шактибинду на посту директора СКБ, Руслан Джимбинов, известный российский ученый, открывший «эффект сурка» – управляемого феномена пробуждения наследственной информации.

С помощью специально подобранной смеси пептидов и кофакторов* у человека активировали эпифиз – самую загадочную железу организма, а затем подвергали низкочастотному электромагнитному облучению по особому алгоритму. В результате у испытуемого появлялись самые разные и необычные способности вроде инфракрасного зрения, управляемой терморегуляции, кожного дыхания, электросенсорики и множество других. Однако ожидаемого пробуждения так называемых «экстрасенсорных» способностей не случилось. Правда, вместо телепатии, к примеру, удалось включить биологическую радиосвязь, известную у некоторых животных.

Одним из важных приобретений явилось и так называемое «чувство пространства». Собственно, из-за него членов отряда, а затем и все подразделение, и окрестили «гекконами». Парни получили возможность двигаться в сверхскоростном режиме, подобно биотехам, а также легко преодолевать вертикальные преграды, если только они не были из какого-либо гладкого материала. Скорость расчета оптимальной траектории и цепкость бойцов отряда оказались поразительными. Исследования показали, что, по крайней мере, неко-

торые из «гекконов» действительно были способны изменять адгезивные свойства* своей кожи.

Проект был первоначально отклонен, так как в Совете по новым технологиям ООН преобладали сторонники модного тогда генетического конструирования. Джамар Шактибинду, возглавивший Службу космической безопасности после трагической и загадочной гибели Джимбинова, вернулся к проекту «Next» и настоял на его реализации для нужд Службы. Возможных противников ему удалось успокоить тем, что все официальные спецподразделения были укомплектованы биотехами. Таким образом «гекконы» оказались на полулегальном положении, что не помешало им принять участие в нескольких весьма громких и сложных операциях Службы. Отбор кандидатов в спецотряд проводил лично директор Шактибинду, вызвав волну недоумения среди подчиненных.

Теперь же все «гекконы» усиленно тренировались по индивидуальным и групповым программам, причем не только физически. В биотехнологическом корпусе также кипела работа. Невидимая для глаз, она была, пожалуй, еще важнее, чем преодоление различных полос препятствий и освоение новейшего оружия. Руководил там нелюдимый и вечно недовольный профессор Акимов из Центра нанотехнологий Российской академии наук.

Каждый «геккон» обязан был по окончании ежедневной тренировки посещать лабораторию Акимова, но рассказывать или обсуждать, что там с ним происходит, не имел права. Однако люди оставались людьми, и внутри каждого подсознательно росло чувство неудовлетворения. Отрицательным эмоциям требовался выход, и каждый сбрасывал негатив на свой лад.

Кто-то обзавелся необременительным хобби, вроде выращивания эмпатиков* или дрессировки сусликов, легко приручаемых, веселых зверьков; другие рукодельничали, вырезая из дерева и мягкого крымского сланца фигурки людей и животных; несколько «гекконов» даже взялись за раскопки обнаруженного рядом с базой древнего городища. Виктор же при малейшей возможности забирался на вершину плоской скалы в километре от базы, активировал унитач и устраивал видеосеанс с Мирой.

Девушка откликнулась на записку Береснева буквально на второй день, позвонив по оставленному номеру. Виктор, если честно, не очень ожидавший продолжения «пляжного» знакомства, хотя и втайне желавший его, одновременно удивился и обрадовался.

– Это здорово, что ты позвонила, – выдохнул он, с трудом уняв заколотившееся сердце. – Спасибо!

– Опять кого-то нужно спасать? – прищурилась Мира.

– Такая у меня работа.

– Жаль... Я хотела сказать, мне жаль, что тебе не удалось отдохнуть.

– Ничего. Вот закончим тут... и я сразу прилечу в Науру. К тебе.

– Буду ждать!..

После того, первого, разговора Береснев будто обрел крылья. Он буквально летал по тренажерным комплексам и «полосам препятствий», выполняя все упражнения в немыслимом даже для «геккона» темпе и гоняя отряд до полного изнеможения. В конце концов Заремба был вынужден осадить своего нового заместителя: угробишь парней, а им еще в деле работать!

Поскольку территория базы была закрытой для внеслужебного общения, Виктор быстро нашел место, чтобы без помех разговаривать с Мирой. Он настолько свыкся с мыслью о скорой встрече с девушкой, что даже не сразу понял, что имел в виду командир, сказав: «Завтра все узнаем».

Собственно, на базе давно уже ждали решающего шага от руководства СКБ, и такой момент наступил. Причем, как оказалось, точно рассчитанный самим директором Шактибинду.

Ровно в час пополудни на центральную посадочную площадку базы опустился черно-синий винтолет с эмблемой Службы космической безопасности, из него легко выпрыгнул невысокий, смуглый и седой как лунь человек, одетый в комбез безопасника.

Встречали гостя лишь двое – дежурный по штабу отряда майор Заремба и угрюмый молчаливый молодой человек из лаборатории Акимов.

– Добрый день, господин директор! – Заремба по-военному щелкнул каблуками. – Вы, как всегда, вовремя.

– Здравствуйте, майор, – улыбнулся Шактибинду, пожимая по очереди руки обоим.

– Михаил Кушнер, – невнятно пробурчал молодой человек. – Профессор Акимов ждет вас, господин директор.

– Чувствую, атмосфера предгрозовая, – посерьезнел индус. – Однако все по порядку. Сначала лаборатория, а затем – общий сбор. Ведите нас, господин Кушнер.

«Главный нанист», как за глаза подчиненные называли профессора Акимов, встретил директора СКБ безо всякого пиетета. Профессор пил чай с бубликами, расположившись прямо на лабораторном столе, и лишь кивнул в знак приветствия, продолжая размеренно пережевывать кусок. На лице Шактибинду не дрогнул ни единый мускул, но в глазах заплясали недобрые огоньки.

– Насколько я вижу, господин Акимов, дела ваши пребывают в полном порядке, и процесс модификации отряда «Геккон» близок к завершению, – ровным голосом произнес Шактибинду. Он подошел к профессорскому столу и уселся в кресло руководителя.

Акимов перестал жевать, отхлебнул из кружки и сунул ее на стол между микроскопом и газоанализатором.

– Ничего подобного! – каркающим голосом заговорил «главный нанист», раздраженно сдвинув густые брови. – Разговор шел о конце августа – начале сентября. Вот тогда и приходите! А сейчас работа в самом разгаре.

– Какие результаты достигнуты на сегодняшний день? – Индус и ухом не повел в ответ на гневную эскападу.

– Я не имею ни малейшего желания... – снова начал было профессор, но осекся, так как директор СКБ, только что сидевший от него в десятке шагов, вдруг оказался рядом и пристально взглянул грубияну в глаза.

– Господин Акимов, – раздельно проговорил Шактибинду глубоким грудным голосом, – сейчас вы пойдете в свой кабинет и ровно через час представите мне полный отчет об уже проделанной работе. Вы найдете меня в кабинете начальника базы. Время пошло.

В следующий миг директор СКБ уже шел к выходу из лаборатории, сопровождаемый обалдевшим от ситуации Зарембой. Лишь когда за индусом захлопнулась дверь, грубиян-профессор вздрогнул, будто очнувшись от дремы, и внезапно севшим голосом сказал застывшему рядом помощнику:

– Миша, сварите мне кофе, что-то мозги никак не соберу, а тут еще этот отчет!..

Заремба рискнул заговорить с директором, когда они вошли в штабной корпус.

– Может быть, профессор перегрелся на солнце? С чего бы ему так взбелениться?

– Хамство не зависит от уровня интеллекта, майор. К сожалению, – констатировал Шактибинду. – Но теперь он станет поспокойнее.

– А... что вы с ним сделали?

– Это называется «суггестивная коррекция поведения», – индус чуть улыбнулся уголком рта. – Каюсь, не сдержался! Не надо было так...

– По-моему, так в самый раз!

– Ладно, майор, что сделано, то сделано. Как у вас говорят, вернемся к нашим баранам. – Директор сел за пустующий стол начальника базы и жестом указал Зарембе на место напротив. – Вы слышали о проекте «Хронос», майор?

- Так точно. – Заремба медленно опустился в кресло для посетителей.
- Так вот, ваши «гекконы» должны будут взять его под охрану. Причем очень скоро.
- Но ведь «Хронос» – территория ООН, там же их спецназ обретаётся. Биотехи...
- В том-то и проблема! – Директор едва заметно дернул щекой. – Гвардия Совбеза!

Биотехи, майор, великолепные исполнители, но, к сожалению, полностью лишены всякой инициативы. А... в ближайшее время вполне возможно возникновение ряда... внештатных ситуаций, связанных именно с безопасностью объекта «Хронос». Причем крайне опасных ситуаций, в которых от участников потребуются весьма неординарные способности для принятия правильных решений. Вам все ясно, майор?

- Так точно, господин директор Службы космической безопасности!
- Вопросы?
- Один. Почему вы это все рассказали мне, а не командиру отряда полковнику Дибичу?
- Потому что полковник Дибич... переведен со вчерашнего дня на другую должность.

А с нуля часов двадцать пятого июня командиром специального отряда «Геккон» назначен подполковник Заремба. – Шактибинду встал и протянул Антону руку. – Поздравляю с повышением и новым назначением!

– Служу безопасности человечества! – ошарашенно выговорил Заремба, отвечая на рукопожатие.

- Ну, вот. Проводите меня, подполковник, и приступайте к своим обязанностям.

Уже возле винтолета директор СКБ, внимательно вглядываясь в лицо Зарембы, вдруг мягко сказал:

– И помните, Антон, сигнал «тревога А» вы исполняете, получив его только от меня! Ни от кого другого!..

Заремба в задумчивости вернулся к зданию штабного корпуса и нос к носу столкнулся с любимым воспитанником, а теперь и заместителем по отряду – лейтенантом Бересневым.

- Кто это был, командир? – осторожно поинтересовался Виктор.

– Директор Службы космической безопасности Джамар Шактибинду. Не признал, что ли?

- Вот именно. Я был уверен, что господин директор повыше ростом.
- Откуда такая уверенность?

– Он ведь лично отбирал нас, будущих «гекконов»... – Береснев пожал плечами. – Я точно помню, что директор был выше меня на полголовы.

Заремба озадаченно посмотрел на заместителя – они с ним были одного роста. И с Шактибинду – тоже.

*Европа, Краковский университет
13 июля 2060 года, 13:50 по СМВ*

«...таким образом, применение контура обратного перехода открывает возможность создания аккумуляторных батарей типа «зеркального коридора», в результате чего емкость такого источника при прочих равных условиях возрастет минимум на три-четыре порядка...»

Не дочитав, декан факультета астрофизики и небесной механики Ягеллонского университета¹¹ Вацлав Полонски раздраженно выключил информер с докладом. Надо же! Чем зани-

¹¹ Краковский (Ягеллонский) университет основан в 1364 году по инициативе польского короля Казимира Третьего, а позже обновлен Ядвигой и Владиславом Ягелло. Один из старейших в Европе. Первоначально назывался Краковской академией, затем Главной коронной школой, а с XIX века – Ягеллонским университетом. Факультет астрофизики и небесной механики, открытый в 2028 году, готовит специалистов по астрофизике, космонавигации, космической геологии и хронофизике, имеет шесть кафедр и две отдельные лаборатории, срок обучения 5–7 лет, ежегодно набирается 120 студентов.

мается этот выскочка Костецки?! На что тратит бюджет факультета! Лавры папаши покоя не дают?..

Ежи Костецки был сыном известного ученого Станислава Костецки, талантливого ученика самого Добрана Житича, одного из разработчиков теории вакуумной инверсии, что послужила основой для создания вактеров. Естественно Ежи пошел по стопам отца. В неполные тридцать два он уже имел магистерскую степень и больше десятка патентов на изобретения, связанные с использованием энергии вакуумных преобразований. Должность доцента в старинном университете Кракова давала возможность сочетать преподавательскую и исследовательскую работу без взаимного ущерба.

Молодой человек мечтал когда-нибудь осчастливить весь мир, подарив ему источник неиссякаемой энергии, и решил посвятить свою жизнь способу обуздания пресловутой каскадной реакции преобразования, не дававшей до сих пор возможности «оседлать» вакуум. Трудность заключалась в том, что работал Ежи на кафедре хронофизики, и его научный интерес, мягко говоря, не совсем соответствовал профилю кафедры. Переход же на соответствующую кафедру физики вакуума физического факультета был невозможен – декан физфака, брюзга и бездарь Лех Сапега возненавидел еще старшего Костецки, а уж младшего и подавно не желал даже видеть.

Буквально за полгода до явления Гостя Ежи Костецки со своим другом и единомышленником, русским физиком Ильей Мечниковым, прапраправнуком знаменитого ученого¹², придумали наконец, как можно обойти этот камень преткновения. Дело оставалось за малым: провести полевые испытания с новым «контуром обратного перехода», как они называли свое детище. Однако тут друзья и наткнулись на настоящую «подводную скалу» в виде экспертной комиссии по изобретениям Научного совета ООН. Молодым ученым предложили написать заявку по форме и подать ее на рассмотрение в канцелярию Совета. О сроках же не было сказано ни слова.

Костецки пару раз попытался выяснить судьбу своего прошения, но получил стандартный ответ, мол, ваше заявление включено в план рассмотрения, о результатах вам сообщат в письменной форме. Время шло, затем объявился Гость, и ученый понял, что теперь уж стало совсем не до него.

И когда неделю назад Ежи неожиданно получил приглашение от заместителя директора Службы космической безопасности отправиться в Танзанию и подключиться к проекту «Хронос», он с трудом поверил в это. А когда пришел официальный пакет с назначением его на должность первого помощника самого Мбонга Нганакана, бессменного руководителя проекта, парень едва не умер от восторга – сбывались его самые смелые мечты. Он тут же помчался к декану оформлять командировку и прочие документы, но Полонски весьма холодно и равнодушно выслушал сбивчивый рассказ подчиненного, забрал пакет и посоветовал «заглянуть в понедельник».

Естественно, декан сразу ознакомился с содержимым пакета, моментально вспомнил о всех заявках и докладных молодого ученого, и его захлестнула черная волна тупой злобы и зависти. «Выскочка! Молокосос! Ну, я тебе устрою командировку...» – и декан размахисто и торопливо написал на заявлении Ежи: «Отказать в связи с производственной необходимостью...»

Но сегодня утром, едва Полонски переступил порог своего кабинета, ожил экран интера. На замершего в недоумении декана холодно и пристально смотрел смуглый незна-

¹² Мечников Илья Ильич (1845#1916), русский микробиолог и патолог, удостоенный в 1908 году Нобелевской премии по физиологии и медицине (совместно с Паулем Эрлихом) за исследование природы иммунитета.

комец. Его узкое, с жесткими чертами лицо напоминало ритуальную маску, а белоснежная шевелюра лишь дополняла образ древнего божка.

– Mister Polonsky, – ровным и властным голосом заговорил незнакомец, – you are exceed one's authority.¹³

– Э-э... простите, с кем имею честь?.. – стушевался декан. Он всегда терялся, сталкиваясь с подобного типа людьми, за что ненавидел их и себя.

– Директор Службы космической безопасности ООН Джамар Шактибинду, – так же спокойно и ровно продолжил по-английски собеседник.

Полонски мгновенно вспотел и рухнул в кресло. С трудом нашарив в кармане платок, он принялся лихорадочно утираться им. Голова стала звонкой и пустой. Он никогда до этого не видел начальника самой грозной и могущественной, по убеждению многих, организации ООН, и уж никак не мог предположить, что такой человек станет вмешиваться в заурядный (по мнению декана) бюрократический процесс.

– Г-господин директор, я не понимаю... конечно, п-приношу свои... я даже не мог представить...

– Господин Полонски, я не собираюсь обсуждать с вами уровень значимости работы вашего сотрудника, но полагаю, что запрос ООН – достаточное основание для безотлагательного решения!

– Конечно, конечно... Я немедленно распоряжусь... в самые короткие сроки...

– Странно, что вы сами этого не поняли, занимая столь ответственный пост в одном из самых авторитетных вузов Европы. – Шактибинду приблизил лицо, так что почти весь экран заняли его темные глаза, пронизывающие собеседника насквозь своим внутренним огнем. Полонски невольно подался назад, упершись лопатками в спинку кресла. – Помните об ответственности, господин декан. Может быть, когда-нибудь и станете проректором.

Экран погас. Полонски несколько секунд бездумно пялился на него, затем встряхнулся, словно выйдя из-под гипноза, лицо его приобрело осмысленное выражение. В кресле снова сидел грозный декан престижного факультета. Полонски набрал код на панели видеофона и, едва на экране возникла курносая голубоглазая физиономия, строго произнес:

– Пан Костецки, зайдите ко мне немедленно!..

*Перу, Лима, штаб-квартира Совета безопасности ООН
25 июля 2060 года, 22:20 по СМВ*

Фрэнк Роулинг неспешно прохаживался по галерее, опоясывающей верхнюю часть здания. Здесь разместилась одна из семи штаб-квартир Совета безопасности. Весь комплекс со стороны выглядел как белая, кристаллическая скала, бликующая стеклянными гранями под тропическим солнцем. Собственно, почти все наружные стены постройки представляли собой фотохромные панели с внешним зеркальным слоем. И вся «друза» хорошо была видна как со стороны города, так и со стороны океана.

С галереи открывалась изумительная панорама на древнейший город континента, до сих пор сочетавший в своей архитектуре старинную основательность испанских casais¹⁴ с современными «летающими» конструкциями. За пятьсот с лишним лет город из колониальной фактории превратился в красивейший и богатый мегаполис. Лима стала первой, где энергоснабжение полностью было отдано экологически безопасным гелиостанциям. Следом совершенно исчезли бензиновые авто. Ныне по улицам и переулкам почти бесшумно проносились электромобили самых удивительных форм и расцветок. Меднолицые потомки

¹³ Господин Полонски, вы превышаете свои полномочия (англ.).

¹⁴ Casa – здание, постройка (исп.).

инков и кечуа вправе были гордиться своим «городом будущего», как давно уже называли Лиму иностранцы.

Роулинг завершил очередной круг по галерее, вернулся к входу в кабинет и бросил взгляд на таймер, мерцавший в полумраке помещения. «Однако это не похоже на Джамара, – отметил про себя председатель Совбеза. – Наверняка должна быть очень веская причина такой задержки. И кстати, почему он настоял на встрече здесь, а не в главном офисе?.. Что-то за этим кроется!..»

Будто подслушав его мысли, экран интера вспыхнул, явив нарочито строгую мордашку секретарши.

– Господин председатель, к вам директор Шактибинду.

– Пригласи... через минуту.

Роулинг метнулся к столу, быстро пробежал длинными пальцами по сенсорам настройки. На контрольной панели перемигнулись индикаторы – электронная защита активирована, видео и аудиозапись включена. В последние месяцы уровень взаимного недоверия между Советом безопасности и СКБ резко вырос, и совсем нелишним будет иметь запись конфиденциальной беседы двух самых влиятельных на сегодняшний день людей. Кто знает, где найдешь – где потеряешь!

Шактибинду вошел в кабинет ровно через минуту. Лицо, как всегда, хранило непроницаемое выражение, но в глазах сверкали насмешливые огоньки. Роулинг невольно поёжился – такое впечатление, словно этот индус знает всё наперед, видит тебя насквозь!

– Здравствуй, Джамар. Что за конспирацию ты устроил?

– Светлого дня, господин председатель, – Шактибинду сложил руки в традиционном индийском приветствии, подчеркивая официальность встречи, и вовсе сбил этим Роулинга с толку. – Я посчитал необходимым предварительно обсудить с вами возникший недавно вариант решения проблемы Гостя.

– Это какой же? – напрягся Роулинг.

– Речь идет об использовании объекта «Хронос».

«Оп-па! Вот оно что! Неужели он что-то разнюхал о моих контактах с Мбонгой?..»

– Мы не сможем использовать «Хронос», Джамар, – удрученно вздохнул Роулинг. – Нужен принципиально иной источник энергии...

– Он есть...

– Вакуум? Но ты же знаешь, что каскадная реакция преобразования не дает возможности накопления...

– Эта проблема уже решена.

– Кем?! Когда? – Роулинг не смог сдержать изумления, едва не вскочив из кресла.

– Тебе следовало бы внимательнее... курировать перспективные разработки, – усмехнулся одними уголками губ Шактибинду, переходя на неофициальный тон. – Что ты знаешь о работах Костецки?

– Станислав Костецки, один из разработчиков теории вакуумной инверсии, создал в 2044 году прототип первого вактера...

– Я имею в виду Ежи Костецки, его сына.

– А причем тут... – Роулинг замолк, длинно и витиевато выругавшись про себя.

«Надо же так проколоться?! Ну, устрою я головомошку своим головастикам! Прошляпили!..»

– Вижу, Фрэнк, ты не в курсе. Даю справку. – Шактибинду, до того стоявший, сложив руки за спиной, перед столом председателя, наконец позволил себе сесть напротив в свободной позе. – Ежи Костецки совместно с русским коллегой Ильей Мечниковым полгода назад решили проблему накопления энергии вакуума, создав так называемый контур обратного

перехода. По ряду... бюрократических причин, об их работах Научный совет ООН узнал лишь немногим более месяца назад.

– И... в чем же суть открытия?

– Энергия каскадной реакции перенаправляется на создание вихревого электромагнитного поля с характеристиками, близкими аналогичным полям «черных дыр». Возникающий «кокон» как бы «разрыхляет» метрику пространства вокруг себя и «погружается» в иное измерение. С «нашей» стороны остается только горловина «коккона», а с «той» стороны он продолжает расти по мере накопления энергии...

– Не слишком ли заковыристо? – с усмешкой перебил Роулинг.

– Я не физик, – пожал плечами Шактибинду. – В принципе, мне все равно, как там происходит на самом деле. Главное, что проблема получила принципиальное решение. По предварительным расчетам, нам удастся перенастроить имеющиеся бактерии и накопить достаточно энергии для хроноскопка всей планеты.

– То есть?

– «Хронос» создаст сферу иновремени вокруг Земли и Луны диаметром примерно в тысячу мегаметров, и мы благополучно разминемся с Гостем в пространстве. Однако, повторю, это получится только при условии использования всех бактерий!

– Но ведь тогда Земля останется без системы дальнего наблюдения за пространством?

– Что ж, как говорят русские, из двух зол всегда выбирают меньшее. К тому же есть еще обычная радиооптическая система – она по-прежнему в строю.

– Значит, говоришь, «кокконы» энергии в другом измерении... – Роулинг стал медленно набивать любимую вересковую трубку. – А ну как это не понравится тамошним ребятам?

– Кого ты имеешь в виду?

– Иножителей, разумеется, – хохотнул американец.

– Наличие жизни в параллельном мире пока не доказано, – не принял его шутки индус. – Разумной жизни.

– Ладно, Джамар. Черт с ними! – Роулинг раскурил трубку. – Подумай лучше об общественном мнении. Думаю, многим не понравится отключение – пусть и временное – глобального мониторинга пространства.

– А вот это – уже твоя задача, Фрэнк. – Директор СКБ выпрямился в кресле, будто собираясь встать. – И учти: интриговать в этом случае я тебе не позволю!

– Угрожаешь?

– Предупреждаю. И надеюсь на твой разум. Если что-то пойдет не так, времени на исправление у нас не останется. – Шактибинду поднялся.

– Без обид, Джамар! – Роулинг тоже встал. – Никому неохота превращаться в космическую пыль. Просто... наверняка найдутся те, кому захочется получить свой личный кусок от общего пирога.

– Кстати о любителях... – взгляд индуса потемнел. – Нам понадобятся *все* бактерии! В том числе и находящиеся в частном пользовании.

– У меня бактерии нет...

– Уверен, они есть у твоих знакомых.

Некоторое время два самых могущественных человека планеты молча глядели друг другу в глаза, словно стараясь предугадать действия каждого. Наконец американец не выдержал, опустил взгляд, покрутил головой.

– Хорошо, Джамар. Можешь считать, что мы договорились. Предварительно...

– Окончательно!

– Нет. Пока не будет результатов от «Хроноса»...

– Результат будет. И очень скоро. Через неделю должен состояться первый эксперимент.

– Вот тогда и договоримся!

Шактибинду несколько секунд разглядывал вновь ставшее жестким лицо председателя Совбеза, потом повернулся и стремительно вышел из кабинета. Роулинг рухнул обратно в кресло как подкошенный. Вытер рукавом внезапно вспотевший лоб.

«Чертов индус! Откуда он все знает? Неужели мои безопасники прощелкали его «уши»?¹⁵ Надо будет заставить их провести тотальную проверку всей служебной инфосети...»

Трубка погасла, и Роулинг попытался вновь раскурить ее, но в этот момент осветился экран интера. Американец замер, уставившись на него, будто оттуда вот-вот должно было явиться привидение. И оно явилось в форме безликого, но в то же время знакомого голоса.

– Как успехи, председатель?

– Не притворяйся, будто сам не знаешь! – возмутился Роулинг.

– Конечно, я могу узнать всё, – констатировал Призрак, – но это потребовало бы дополнительного расхода энергии, поэтому я избрал более экономный способ – контакт с тобой как с наиболее информированным представителем вашего социума.

– Похоже, ты поставил не на ту лошадь, приятель! – горько усмехнулся американец, все же раскурив трубку.

– Это выражение мне непонятно. Однако ты не ответил на мой вопрос.

– Успехи?.. Да, есть. Ты был прав, способ накопления энергии, кажется, найден.

– Вактеры.

– Да. Один поляк-головастик додумался-таки, как обуздать каскадную реакцию.

– Значит, теперь вы можете использовать «Хронос» для уничтожения Гостя.

– Не так быстро, приятель! Мы не собираемся воевать с твоим Гостем. «Хронос» будет использован для скачка во времени Земли и Луны. А сумасшедший астероид просто пролетит мимо и канет в бездне космоса.

– Решение неверное. Гость должен быть уничтожен. В противном случае он вернется.

– Что?! Как это астероид может вернуться?

– А разве я говорил, что Гость – астероид? Я сказал, что он – ваша ошибка. И его надо уничтожить.

– То есть ты намекаешь, что он... искусственный объект?

– Я не намекаю. Я даю тебе правильный совет, председатель. Используй свое положение, чтобы реализовать его. «Хронос» нужно настроить на создание не сферического, а векторного тайм-поля. Если Гость попадет в него, он разрушится.

Экран погас, а Роулинг так и остался сидеть с открытым ртом, не успев задать главный взволновавший его вопрос.

¹⁵ Имеется в виду скрытая система считывания информации, своего рода «тройная» программа, создающая параллельную «виртуальную» инфосеть, которую охраняющие системы воспринимают как настоящую (*фант.*).

Глава 3. Эксперимент

Плато Ши́ра, предгорья Килиманджаро

2 августа 2060 года, 10:33 по СМВ

– Профессор Нганакаа? – В дверях кабинета, улыбаясь, стоял высокий белобрысый парень, одетый в походный костюм времен сэра Ливингстона.

Мбонга угрюмо уставился на незнакомца из-за стола. Он терпеть не мог, когда его отвлекали без предупреждения от работы.

– Что вам угодно, мистер? – сухо поинтересовался он, демонстративно вновь поворачиваясь к раскрытому на столе ноутбуку.

– Я – Ежи Костецки, ваш новый помощник.

– Ага! – Мбонга вторично впериł тяжелый взгляд в гостя. – Вы плохо начинаете свою службу, мистер Костецки. Вы опоздали на сутки. Или вас там, в Краковском университете не приучили к пунктуальности?

– Извините, профессор, но я...

– Не извиняю! Мне не нужны помощники-раздолбаи! – рявкнул в голос Мбонга, вытирая большим платком свой голый лоснящийся череп. – И я терпеть не могу оправданий. Запомните это, мистер! – Он нажал клавишу селектора: – Уно, зайдите ко мне!

Из-за спины топтавшегося в замешательстве на пороге Ежи бесшумно вынырнул бронзовокожий парень в безукоризненном белом летнем костюме и приблизился к столу профессора.

– Уно, это мистер Костецки, мой новый первый помощник, специалист по физике вакуума. Проводи его в сектор А-6 и активируй рабочий терминал под параметры владельца. – Мбонга говорил странно медленно с преувеличенной артикуляцией. На каменном лице секретаря при этом не шевельнулась ни одна черточка. – В два часа я провожу последний технический совет перед началом эксперимента. – Это уже помощнику. – У вас три часа для вхождения в курс дела.

Секретарь так же молча сделал Костецки приглашающий жест и вышел из кабинета. Окончательно сконфуженный Ежи уныло поплелся следом. «Вот же попал! – невесело думал он. – И ведь предупреждал пан Полонски, мол, ты хорошо подумал? Про этого толстяка никто ничего доброго ни разу не сказал: горилла в манишке – тьфу! – в монокулярах. Но ведь здесь «Хронос»! Мечта юности!.. Может быть, когда профессор вспомнит о моих работах по бактерам, он изменит отношение?..»

Уно шел ровным и равномерным шагом, так что Ежи скоро подстроился под ритм движения и теперь всю вертел головой по сторонам, пытаясь все разглядеть и запомнить, будто приехал не на работу, а на экскурсию. Они проходили по широким коридорам, залитым бестеневым чуть желтоватым светом, напоминавшим солнечный настолько, что не верилось в нависшие над головой несколько десятков метров скальных пород. Собственно, весь гигантский комплекс проекта «Хронос» был полностью утоплен в толще плато Ши́ра – видимо, из соображений безопасности. Хотя никто в мире не смог бы объяснить – чьей? Для людей или для проекта?

С появлением угрозы Столкновения, как теперь все называли грядущее событие, работы над проектом «Хронос» были резко ускорены. Прекратились прежние проволочки и перебои с поставками оборудования и материалов, появилось несколько новых лабораторий и групп, была расширена зона X – сердце проекта, где проводились почти все контрольные эксперименты. Собственно, все они теперь сводились к одному: поиску способов накопления энергии в количестве, достаточном для создания хроносферы произвольно большого

объема. Принципиально задача имела решение, дело было за малым. Найти способ обуздать самый мощный источник во вселенной, способный выдавать тераватты энергии в секунду. Иначе хроносфера теряла стабильность, и последствия этого были непредсказуемы...

И вот теперь Костецки находился в святой святых планеты – ее надежде на будущее, ее последнем шансе на существование! Уно шел впереди, не меняя взятого темпа ни на йоту, не отвлекаясь и не оборачиваясь. «Как робот!» – подумал Ежи. Его вполне устраивало, что секретарь не обращает на него никакого внимания – вокруг было столько интересного и необычного. Они как раз вышли в колоссальный кольцевой коридор, стена которого обращенная внутрь, оказалась прозрачной. Костецки не преминул этим воспользоваться и заглянул туда. Открывшийся вид поразил воображение молодого ученого. Он увидел огромный зал, напоминавший циклопический стакан, поскольку его стены оказались прозрачными, сложенными из таких же кольцевых коридоров. Сейчас Ежи находился примерно в середине «стенки» зала и «дно» его в деталях разглядеть не мог, но отметил восемь ослепительно белых колонн в центре, будто сросшихся вместе в причудливую друзю неизвестного минерала. У основания этих колонн копошились люди, облаченные в странные то ли комбинезоны, то ли скафандры с шаровидными шлемами. Рядом с установкой они выглядели почти мурашками. Ежи вдруг понял, что воочию видит легендарный «Хронос» – надежду человечества на спасение от Столкновения. Невольно Костецки замедлил шаг, стараясь разглядеть побольше деталей, и тут выяснилось, что секретарь вовсе не забыл о его существовании.

– Мистер Костецки, у вас мало времени.

Фраза прозвучала настолько неожиданно и странно, что Ежи не сразу сообразил, кто это сказал. Уно стоял шагах в десяти впереди, вполоборота к нему и, казалось, смотрел куда-то в глухую стену напротив стеклянной.

– Скажите, Уно, это и есть «Хронос»? – кивнул Костецки на колонны внизу.

– У вас осталось два часа тридцать шесть минут до технического совета. Идемте. – Секретарь повернулся и зашагал дальше по коридору, показывая своим видом, что экскурсия закончилась.

Хмыкнув, Ежи поспешил за невозмутимым провожатым, сообразив наконец, что он приехал сюда не на день и не на два – работать! А следовательно, все еще увидит, узнает и пощупает своими руками.

Уно довел молодого ученого до очередного переходного тамбура, ничем не отличавшегося от многих предыдущих, кроме индекса на входной диафрагме – «А-6». На этот раз секретарь, открыв магнитной карточкой проход, вручил ее недоумевающему Костецки и сказал:

– Технический совет состоится по расписанию в зоне Х-001, уровень минус три. Не опаздывайте. – И удалился той же ровной неспешной походкой.

Ежи только плечами пожал, повертел в руках карточку и шагнул в тамбур.

Едва Костецки очутился в коридоре блока, как из ближайшей двери высунулась вихрастая русоволосая голова со старомодными очками на носу.

– О! Our numbers have grown! – сказала голова на вполне приличном английском. – Drop up!¹⁶

Костецки оказался в чистой светлой комнате, весь периметр которой занимали компьютерные терминалы, а посередине размещался большой круглый стол со странным сооружением, напоминающим развалины средневекового замка из губчатого темно-серого материала. Над столом нависал массивный, тоже круглый, плоский щит, издававший явственное басовитое гудение.

Рослый вихрастый парень в полурасстегнутом голубоватом комбинезоне, улыбаясь, протянул Ежи широкую ладонь:

¹⁶ Нашего полку прибыло! Заходи! (англ.)

– I'm Anatoly, superior analyste.¹⁷

– Ежи, – тоже улыбнулся Костецки, пожимая парню руку.

– Great! Are you Pole?¹⁸ – обрадовался вихрастый. – А русский знаешь?

– Немного...

– Отлично! Тебя мне сам Бог послал! Я – Анатолий Бурков, хронофизик из Дубны. Это в России. А ты откуда?

– Я из Ягеллонского университета, физик-вакуумщик, Ежи Костецки.

– А сюда как попал? – Анатолий усадил нового знакомого на вертящийся табурет возле огромного плазменного терминала, на котором медленно выстраивалась какая-то сложнейшая трехмерная геометрическая конструкция.

– Меня пригласили поработать из Службы космической безопасности. – Ежи не стал вдаваться в подробности своего перевода и с интересом оглядывал лабораторию. – Я специалист по бактерам.

– О! Это здорово! – еще больше обрадовался Бурков. – А я как раз бьюсь над проблемой, как бы их заставить накапливать энергию. Ну, вся наша группа, собственно, для этой задачи и создана.

– Значит, я попал в нужный адрес! – развеселился Костецки. Еще бы: все его заветные желания продолжали сбываться как по волшебству.

– Не «в нужный адрес», а «по адресу», – хохотнул Анатолий. – Ладно, поправишь свой русский. Айда в кают-компанию, знакомиться!

Они вышли в коридор и двинулись по нему направо, огибая центральное помещение. При этом Бурков распахивал все встречные двери и жизнерадостно орал:

– Полундра! Свистать всех наверх!.. Get together at the mess-room!¹⁹ Sich ansammeln in Messe!²⁰

Из лабораторий удивленно выглядывали молодые мужчины и женщины, облаченные в такие же голубоватые стандартные комбинезоны. Поняв причину шума, улыбались и приветствовали нового сотрудника.

Зона А-6 представляла собой замкнутый комплекс помещений, располагавшихся периметром вокруг центрального зала. Собственно, это был не зал, а огромная испытательная камера со всем необходимым оборудованием для экспериментов в области физики высоких энергий. Остальные помещения являлись обычными лабораториями и жилыми комнатами. В противоположной стороне от входа в блок располагалась просторная «кают-компания», как ее окрестили сотрудники зоны – сплошь молодые парни и девушки.

Кают-компания обнаружилась в дальнем конце блока. Это было овальное просторное помещение с мягким бестеневым освещением. По окружности стояли мягкие полукресла. С потолка в центре комнаты свисали штанги с матовыми «цветками» голопроекторов, а в полу виднелись диафрагмы для скрытого выдвижного оборудования.

Вскоре в кают-компании собралось полтора десятка человек, и каждый занял, видимо, свое постоянное место. Анатолий усадил Ежи рядом с собой, подождал, пока утихнет гул голосов, и заговорил... на русском!

– Друзья! К нам прибыло пополнение. И какое! Пан Костецки – специалист по бактерам, именно тот, кого нам так сильно не хватало.

– По бактерам – это хорошо, – прогудел из дальнего кресла большой и грузный мужчина с густой каштановой шевелюрой, чуть тронутой проседью, и такой же «шкиперской»

¹⁷ Я – Анатолий, старший исследователь (англ.).

¹⁸ Здорово! Ты поляк? (англ.)

¹⁹ Всем собраться в кают-компанию! (англ.)

²⁰ Собраться в кают-компанию! (нем.)

бородкой. Он показался Ежи старше остальных, и не только внешне. Прочие сотрудники относились к нему с явным почтением. – Я буду Павел Велисевич, руководитель группы энергетического обеспечения. А вы, господин Костецки, в какой должности к нам направлены?

– Кажется, первым помощником профессора Нганакаа, – смутился Ежи.

– Ни фиги себе! – крикнул Бурков и уважительно уставился на его зардевшуюся физиономию.

По комнате пронесся вздох изумления.

– How old are you then?!²¹ – кокетливо поинтересовалась тоненькая рыжеволосая девушка, сидевшая напротив Костецки.

– Thirty-two... Тридцать два. Через месяц исполнится. – Молодой ученый покраснел еще больше. Девушка была очаровательной, а ее улыбка такой ласковой, что у Ежи, не избалованного женским вниманием, невольно перехватило дыхание. – Я, конечно, понимаю, что...

– Не надо оправдываться, – поднял руку крепыш, сосед рыжей красавицы. Он говорил по-русски с сильным балтийским акцентом, а его короткие прямые волосы соломенного цвета и светлые водянистые глаза лишь подтверждали происхождение. – Вы же ни в чем не виноваты. Я есть Валдис Суйлис, оператор 3D-моделирования...

Эти ребята оказались на редкость доброжелательными и веселыми. Выяснилось, что они давно ждали Ежи. То есть не его лично, а шестнадцатого члена группы. Дело в том, что Шкипер, как все называли своего руководителя, убедил коллег в реальности идеи мозгового штурма проблемы, стоявшей перед группой, если соберется именно шестнадцать участников.

– Еще в семидесятих годах прошлого века выдающийся социолог и психолог Аушра Аугустинавичюте²² доказала существование в обществе надбиологических сущностей – соционов, обладающих коллективным сознанием. Она также определила минимальное количество индивидуумов, необходимое для рождения социона. – Павел рассказывал с увлечением, активно жестикулируя. Слушать его было просто интересно.

– Шестнадцать? – догадался Ежи.

– Именно! Но не абы каких, а определенных психологических типов. Аушра утверждала, что должно быть по одному представителю каждого психотипа, а их как раз шестнадцать и есть.

– Я читал, что Юнг определил и описал всего восемь, – вмешался еще один член группы, долговязый и нескладный немец Курт Хольбаум, специалист по силовым полям.

– Аушра доказала существование двух принципиально отличных способов восприятия и переработки информации – экстра – и интроверсии – у основных психологических типов по Юнгу, – охотно пояснил Павел, – и таким образом увеличила количество возможных устойчивых комбинаций психологических признаков до шестнадцати. Она же первая и описала их в своей знаменитой монографии «Дуальная природа человека», заложив начало новому направлению в социальной психологии.

– But what does this mean in practice?²³ – скептически пожала плечами рыженькая Стейси Каллахен. Она сносно понимала по-русски, но говорить предпочитала на родном английском, по-прежнему считая его языком межнационального общения, хотя времена англоязычной гегемонии канули в Лету более двадцати лет назад.

²¹ Сколько же вам лет?! (англ.)

²² Аушра Аугустинавичюте (1928#2005) – литовский социолог, создатель теории интертипных отношений (соционики), которую она разработала на основе трудов К. Юнга, А. Кемпинского и Майерса-Бриггса.

²³ Но что это дает на практике? (англ.)

– В восьмидесятых годах прошлого века проводились весьма необычные эксперименты, ставившие целью доказать или опровергнуть один из главных постулатов соционики о том, что социон является идеальной психической структурой для решения задач любой сложности, – увлеченно продолжил Велисевич.

– Ну и как, доказали? – спросил заинтригованный Костецки, краем глаза наблюдая за Стейси и любуясь ею.

– Вполне! Социон действительно оказался способен эффективно решать сложнейшие практические и теоретические проблемы. Например, так было найдено принципиальное решение для создания антигравитационного привода.

– Но ведь он не создан до сих пор?! – распахнула свои зеленые глазищи Каллахен и тут же подмигнула мгновенно зардевшемуся Ежи.

– Действующие прототипы уже есть, но все упирается опять-таки в источник энергии! – Павел даже вскочил из кресла. – Коллеги, если мы здесь и сейчас решим эту проблему, наши имена будут записаны на скрижали истории!

– А зачем? – хмыкнул Бурков. – Лично мне это не нужно. Хотя...

– Коллеги, вам не кажется, что мы несколько увлеклись и отошли от темы? – вежливо поинтересовалась молчавшая до сих пор миловидная круглощекая женщина, скромно сидевшая в уголке рядом с таким же круглолицым молодым человеком. – Вы не забыли, что через час назначен технический совет – последний перед экспериментом «Хроноскоп»? И что именно на совете профессор Нганакаа ждет от нашей группы радостного известия о том, что проблема источника энергии для генератора риманова пространства решена?

– Но она ведь не решена, – простодушно откликнулся крепыш Валдис.

– Let's listen to doctor Kostetsky,²⁴ – предложила Каллахен, снова мило улыбнувшись Ежи. – Он должен иметь то, что сказать нам всем, – добавила она по-русски, тщательно выговаривая слова.

– Да, конечно, – пробормотал тот, смутившись от знаков внимания красавицы. Потом все же собрался с духом и открыл свой плоский кейс, оказавшийся портативным интером. – Включите, пожалуйста, ктонибудь голопроектор.

То, что рассказал группе Костецки об их с Мечниковым «контуре обратного перехода», ошеломило всех. Решение сложнейшей задачи оказалось до смешного простым. Удивительно, что никто не додумался до такого раньше.

– Это что же, вот так вот – раз и готово? – Бурков ошарашенно залез обеими руками в свои вихры. – А почему же у тебя до сих пор «нобелевки» нет?

– Наверное, потому что здесь только теоретические выкладки, – пожал плечами Ежи. – «Контур» не прошел экспериментальной проверки. А без нее...

– Ерунда! – пророкотал Шкипер. – Ты попал по адресу, парень. На «Хроносе» всякая волокита запрещена. Любая идея тут же проверяется на практике. В этом смысле профессору Нганакаа нет равных!

– Тем более теперь, когда счет пошел на недели! – добавил Хольбаум. – Господа, предлагаю не тратить драгоценного времени, – перешел он на английский, – и немедленно устроить «штурм». Мы должны быть на совете во всеоружии.

Все присутствующие будто ждали подобного призыва. Тут же в «кают-компании» началось бурное обсуждение проблемы. Гвалт стоял такой, что случайно заглянувший в этот момент в зону А-6 человек наверняка бы решил, что попал в филиал сумасшедшего дома или на разборку между враждующими группами неких сектантов. Но в результате яростных споров, озарений и признаний меньше чем за час принципиальная схема использования вактеров как накопителей и универсальных преобразователей всех основных видов энергии

²⁴ Давайте послушаем доктора Костецки (англ.).

была воплощена в трехмерную голографическую модель и дважды прошла тестирование на Гоблине – мощном компьютерном комплексе, находившемся в распоряжении группы.

Велисевич торжествовал. Теория социона блестяще себя оправдала: за каких-то сорок минут было сформулировано жизненно необходимое решение, над которым бились сотни людей в разных концах света не один год. Это был прорыв! Это была победа! Об этом было не стыдно доложить на совете самому профессору Нганакаа.

– Теперь я верю, что нам тебя послало само провидение! – гудел Павел, радостно тиска красное как рак Ежи.

– Так не бывает, но это случилось, – растерянно разводил руками Валдис, обращаясь ко всем и каждому в отдельности. С ним соглашались, понимающе хлопали по плечу и говорили, что это пройдет.

Каллахен не сводила с Ежи восхищенного взгляда и все повторяла:

– It's wonderful! Excellent! You're clever boy!²⁵

– Мы знали, что решение где-то рядом, но чтобы настолько просто?! – хором говорили разбурлявшиеся от словесных баталий Михал и Йонка Гржимеки, брат с сестрой из Бра-тиславы.

Ежи млел и нежился в лучах нежданной славы, но более всего – в теплых и ласковых взглядах рыжей красавицы. Он даже рискнул сформулировать про себя фразу, которую собирался сказать после заседания техсовета: «Стейси, может быть, ты не откажешься поужинать со мной сегодня вечером?» Ежи так размечтался, что не сразу уловил смысл сообщения по громкой связи, прервавшего поток восхищений и поздравлений:

– Господа Велисевич и Костецки приглашаются на технический совет в зону X-001, уровень минус три.

Веселье мгновенно стихло. Посерьезневший Шкипер оглядел распаленные, с горящими глазами физиономии подчиненных, вздохнул и кивнул Ежи:

– Идем, друже. Мы призваны изменить историю Земли, и мы это сделаем!

Если бы Павел знал в тот момент, насколько его слова окажутся пророческими, наверное, он поостерегся бы их произносить.

*Орбитальный комплекс МИС-4**

16 августа 2060 года, 15:15 по СМВ

Памела Дайсон, оператор связи секретариата ООН, заступила на дежурство ровно в три часа по мировому времени, а через пятнадцать минут в зал контроля вошел высокий блондин в комбезе технического персонала. Он молча прошел к терминалу сетевого сервера, развернул на рабочей плоскости ноутбук и подключил его к входной шине сервера.

Памела, девушка решительная и активная, отметила про себя, что парень, похоже, из новеньких, поскольку всех более или менее приметных мужчин орбитального комплекса № 4 мониторинга и связи знала в лицо. А уж на блондинов «западала» неоднократно.

Парень, однако, не проявил к женщинам-операторам (их в зале было четверо) никакого внимания. Он сосредоточенно работал на ноутбуке, изредка поглядывая на экран контрольного монитора сервера.

Памела краем глаза следила за ним некоторое время, потом решила, что непременно познакомится и выяснит причину столь пренебрежительного отношения к равноправному полу. Видали красавчика?! Даже не поздоровался, не улыбнулся! Это оскорбительно! Равноправие полов узаконено Комиссией по этике ООН!..

²⁵ Это прекрасно! Великолепно! Ты умница! (англ.)

Неизвестно, сколько бы еще Памела накручивала себя перед уже запланированной встречей с «красивым негодяем», но в этот момент на ее контрольном дисплее вспыхнула и замигала алая надпись «Break off communication!»²⁶. Памела несколько секунд бессмысленно таращилась своими голубыми глазами на это диво, потом до нее дошло, что ситуация экстраординарная, и включились навыки оператора.

Забыв про молчаливого «грубияна», Памела лихорадочно работала на сенсорной клавиатуре, пытаясь выяснить масштабы сбоя. Шутка ли, вырубилась связь по каналу «Хронос»! Это была новая секретная линия, защищенная всеми известными способами от несанкционированного доступа. Памела ее сама отлаживала на прошлой неделе вместе с Кирком Туссоном, двухметровым гигантом, похожим на древнего викинга и таким же необузданным в постели. Работа была сделана в установленный срок, и начальник комплекса Стас Медведев лично поблагодарил оператора Дайсон перед всей сменой!

Памела вчитывалась в ползущие по дисплею строки отчета сканирования канала и потому не видела, что и у остальных операторов началась тихая паника. А поскольку все они работали в индивидуальных звукоизолирующих «коконах», то и в зале в целом не добавилось никаких посторонних шумов.

Шум поднялся в эфире. Не шум, а настоящий бедлам. Один за другим отключились почти все каналы правительственной связи, и главный офис ООН в Москве, переехавший туда ровно десять лет назад из Нью-Йорка, ослеп и оглох.

Ситуация складывалась взрывоопасная. Безопасники быстро вычислили, что причиной сбоя явился орбитальный комплекс МИС-4, специально переоборудованный около года назад для нужд ООН. Начальник Службы информационной безопасности главного офиса по аварийному каналу вызвал начальника комплекса.

- Стас, ты в курсе, что у тебя творится?
- Да, Степан, уже разбираемся.
- Но ведь такого не должно было случиться? Чтобы все каналы сразу...
- Пока могу сказать лишь, что это сбой не технический.
- Значит – диверсия?
- Вероятно. Но где сидит исполнитель, еще не вычислили.
- У вас он, Стас! Мои ребята уже просчитали.
- Будем искать...

* * *

В зал контроля, где дежурила Памела, вошли два сотрудника безопасности. Один остался у дверей, а второй направился прямо к блондину, который продолжал как ни в чем не бывало строчить на ноутбуке. Девушка заинтересованно повернулась к ним, но в этот миг освещение в зале погасло. И хотя контрольные экраны и дисплеи по-прежнему светились, перепад в освещенности оказался настолько резким, что люди в зале временно ослепли и потеряли ориентацию.

Чего нельзя было сказать о блондине и шедшем к нему безопаснике. На действиях обоих переход к почти полной темноте никак не отразился. Едва безопасник оказался в пяти метрах от терминала сервера, он вскинул руку с оказавшимся в ней неизвестно откуда странным прибором, похожим на электродрель. Только вместо сверла там наливался нестерпимо синим светом длинный восьмигранный кристалл. В следующий миг с торца кристалла сорвалась сияющая сапфировая капля и метнулась прямо в спину блондина.

²⁶ Связь прервана! (англ.)

Однако его возле терминала уже не было. Каким-то невероятным образом он оказался в трех метрах справа от безопасника, а в руках его появились два тонких, слегка выпуклых диска.

Ослепительно синяя капля описала совершенно уж немыслимую траекторию, пролетев буквально в паре сантиметров от панели сервера, и через секунду повисла, чуть подрагивая, на полпути между противниками. «Дрель» в руке безопасника также была направлена на блондина. Тот слегка развел под углом диски, и между ними вспыхнуло крохотное солнце шаровой молнии. Все замерли. Никто из бойцов не решался начать новую атаку.

– Ты проиграешь, брат, – наконец бесстрастно произнес безопасник. Синяя капля дрогнула и сдвинулась вперед на несколько сантиметров.

– Это не имеет значения. Программа выполнена, – тоже странно, с придыханием ответил «техник». – Мы умрем оба. – И его шаровая молния метнулась, огибая сияющую каплю, к безопаснику.

Они поразили друг друга одновременно. Синяя капля вонзилась блондину между глаз, и он тряпичной куклой свалился на пол. Шаровая молния в свою очередь проделала дыру величиной с кулак в груди безопасника, отбросив его на стену зала. Тело ударилось о стальной рангоут и рухнуло ничком.

В зале вспыхнул свет. Вся схватка длилась не более десятка секунд, и никто из присутствующих ее так и не увидел. Все узрели только два трупа. Безопасник, стоявший у входа, спокойно подошел к блондину, провел вдоль тела небольшим приборчиком – регистратором биоэлектрической активности.

– Все в порядке. Биотех нейтрализован, – бросил он в усик рации и склонился над телом напарника.

В зал буквально хлынули люди. Совершенно ошалевших от впечатлений девушек-операторов быстренько вывели из помещения в сопровождении сотрудников медблока. К мертвым телам подошли трое мужчин в форме космических сил ООН. Безопасник перевернул погибшего коллегу, и тогда стало видно, что рана его имеет странный вид: вместо обугленной плоти все увидели оплавленную и побуревшую массу, похожую на силикон.

– Жаль, – произнес один из троих, седовласый, с жестким и властным лицом, с шевроном капитана на плече. – Хороший был боец.

– Серия биотехов «Витязь» до сих пор себя полностью оправдывала, – согласился второй, с нашивками старшего помощника.

– Она и теперь не подвела, – откликнулся третий.

– Откуда у него такое необычное оружие? – Седовласый указал на лежавшие возле «диверсанта» диски.

– Похоже на активный модуль горнопроходческого комплекса, – сказал старпом.

– Что-то не похож этот биотех на рудокопа...

Все посмотрели на труп блондина, который безопасники укладывали на носилки. Идеально красивое лицо биотеха не исказила маска смерти, лишь кожа в том месте, куда попал заряд «электродрели», приобрела неестественный синеватый цвет.

– Разберитесь с ним как можно скорее, – распорядился седовласый. – До сих пор никому еще не удавалось перезагрузить личность биотеха! И вот – нате вам!..

– Сделаем в лучшем виде, Стас, не беспокойся, – обернулся один из них.

– Да уж, не беспокойся! – Начальник комплекса покрутил в сомнении головой и покопался на старпома. – Выяснили, чего он натворил?

– Вирус, запущенный клоном, блокировал, точнее, замкнул на себя все каналы связи с комплексом «Хронос». По сути, обыкновенная «пиявка», но уж больно мудрено сделанная...

– Ладно, подробности – в отчете мне на стол через час! А пока все думайте, как будем оправдываться перед председателем Совбеза за весь этот кавардак!

*Плато Ши́ра, предгорья Килиманджаро
16 августа 2060 года, 18:33 по СМВ*

Профессор Нганакаа в последний раз просмотрел весь план эксперимента «Хроноскоп», откорректированный после «исторического» техсовета две недели назад, и снова убедился, что ошибки быть не может. Проблема действительно теоретически была решена. Найден план спасения планеты от Столкновения. Если сегодня все пройдет гладко, можно будет спокойно докладывать «наверх» и примерять китель действительного члена Совета безопасности ООН.

Когда группа Велисевича выдала схему использования вактеров как накопителей и преобразователей энергии вакуума с КПД порядка восьмидесяти пяти процентов, Мбонга долго не мог в это поверить и заставил «головастиков» дважды все обсчитать в его присутствии. Но решение оказалось верным. И основу его заложил этот разгильдяй, новый первый помощник со своим «контуром обратного перехода».

«Стар становлюсь, – посетовал на себя профессор, мелкими глотками прихлебывая остывший пейотль. – Неужели я так в нем ошибся? Этот парень не по годам умен! Надо же додуматься до такого...» Теперь Мбонга даже был рад, что все так обернулось, и что помощник оказался не злопамятным. Он так обрадовался, когда профессор объявил об изменении плана эксперимента, и тут же предложил себя в качестве добровольца. Теперь надо было выбрать «хронавта». После долгих препирательств решили, что лучше всех справится с задачей Анатолий Бурков: молод, бесстрашен, физически крепок, психически устойчив и с соответствующим образованием, позволяющим адекватно оценивать ситуацию «там».

«Там»! – Мбонга хмыкнул. Как быстро человек, однако, осваивает новое информационное пространство. Это многозначительное «там» теперь повторяли на каждом углу самого большого в истории цивилизации научного комплекса. При этом никто толком не смог бы объяснить, что он имеет в виду, но продолжал кивать и поддакивать собеседнику: да, конечно, прорыв в неведомое наконец свершился, и скоро мы все узнаем, что происходит «там», по ту сторону... чего? В том-то и загвоздка, что последнего не понимал никто!

Профессор вздохнул, отставил почти пустой стакан и нажал клавишу селектора. В ту же секунду в дверях кабинета бесшумно возник секретарь.

– Уно, подготовь всю документацию по «Хроноскопу» для предварительного отчета в СКБ и – копию – лично для господина Роулинга.

– Когда отправить отчет, сэр?

– Разумеется, после эксперимента.

Уно так же неслышно исчез, а Мбонга покосился на консоль интера и решил пока не звонить председателю Совбеза, потом кряхтя вылез из-за стола и направился в дальний угол кабинета, где тускло светился прямоугольник персонального лифта.

Ровно в девятнадцать часов по стандартному мировому времени зона Х наполнилась движением, гулом голосов, треском статических разрядов на внешних контурах «Хроноса» и шипением контрольных клапанов системы охлаждения. Безо всякой суеты люди заняли свои места. Отдельная команда из шести человек в защитных скафах поднялась на круглую площадку, диаметром около пяти метров, смонтированную накануне буквально за сутки слева от главной колонны генератора. Посередине площадки возвышался кубический постамент в половину человеческого роста, а над ним на высоте около двух метров, будто невесомый, завис серебристый икосаэдр – первый из вактеров, переданный в распоряжение проекта. По личному приказу господина Роулинга.

Сводная группа физиков и энергетиков почти две недели перенастраивала и отлаживала вактер по схеме, предложенной группой энергетического обеспечения с применением

«контура Костецки», как теперь именовали изобретение поляка. Вроде бы все сделали правильно, тесты показали стабильный экспоненциальный прирост энергоресурса генератора риманова пространства, и ко времени начала эксперимента необходимый запас энергии был создан: внутри шести «обсадных» колонн генератора сейчас плескался океан, мощностью в несколько сотен мегаватт.

– Как вы думаете, сэр, этого количества хватит, чтобы сходить «туда и обратно»? – тихо поинтересовался из-за спины Нганакаа главный инженер проекта, тощий и вечно угрюмый голландец Викк Ван Дамм.

– Вообще-то этот вопрос должен был задать вам я, – сурово отрезал начальник проекта, не поворачивая головы.

– По расчетам, хроносфера диаметром три метра продержится в стабильном состоянии пятьдесят две минуты, что в два и три десятых раза перекрывает запланированное время, – сухо и ровно отчеканил стоявший рядом с профессором секретарь.

– Ну что, господа теоретики, приступим? – громко раздалось от входа в зону.

Анатолий Бурков, бодрый и улыбающийся, остановился перед начальством, возбужденно потирая руки.

– Вы готовы, господин старший исследователь? – прищурился профессор. – Не передумали?

– Еще чего! – отмахнулся Бурков.

– В таком случае, идем! Надо тебя раздеть. – Костецки взял его за локоть. – На этот раз тебе придется путешествовать голым.

– Это еще почему?!

– Я неуверен, что параметры перехода для биологических и искусственных объектов полностью совместимы.

– И что, по-твоему, может со мной случиться?

– Что угодно. От аннигиляции до дезинтеграции.

– Шутить изволите, пан Костецки?

Вдвоем они поднялись на площадку и остановились перед постаментом.

– Снимай одежду и клади вот сюда. – Ежи похлопал ладонью по краю куба. – А сам садись посередине, лучше – в позу эмбриона.

– Это как?

– Подтяни ноги к животу, лбом упрись в колени и обними их руками.

Бурков хихикнул, но указания выполнил.

– И что теперь? – спросил он глухо.

– Жди. А... «там» действуй по обстоятельствам. Хотя я бы на твоём месте с этого места не уходил. Просто... осмотришь, что ли? Сними показания датчиков, запиши свои ощущения на диктофон и... жми большую красную кнопку. – Поляк смотрел на нового друга тревожно и настороженно, словно предчувствовал какую-то неясную опасность.

– Все будет пучком, пан Костецки! – пробурчал тот. – Давай начинай, а то холодновато что-то.

– Хорошо, Анатолий. – Ежи повернулся к людям в скафах. – Все в порядке?

– Мы отъюстировали еще раз датчики хрономодуля. Теперь не должно быть никаких неожиданностей, – ответил один из них. – Уходим! – махнул он рукой остальным.

Все покинули площадку и присоединились к профессору и главному инженеру за подковой терминала управления.

– Внимание! – раздался по громкой связи металлический, лишенный интонаций голос. – Эксперимент «Хроноскоп». До запуска генератора риманова пространства остается одна минута! Даю обратный отсчет...

Икосаэдр вактера вспыхнул ослепительным светом, и словно в ответ засветились две основные колонны «Хроноса». Волны пульсации сначала нехотя, потом все быстрее заскользили по ним снизу вверх. Маленькая на таком расстоянии фигурка, скорчившаяся на постаменте, казалась абсолютно беззащитной перед мощью просыпающейся стихии. Скорость пульсации быстро нарастала, возник и тоже стал набирать силу низкий басовитый звук. Источник его определить было невозможно, создавалось впечатление, что гул порождает весь объем циклопического зала.

– Девятнадцать... восемнадцать... семнадцать...

Металлический голос теперь с трудом прорывался сквозь светозвуковую феерию. Ежи покосился на потную шоколадную лысину шефа, перевел взгляд на площадку, почти утонувшую в волнах плотного жемчужного света. «А вдруг мы ошиблись? – вспыхнула в мозгу предательская мысль. – Вдруг ошибся я? И сейчас разряд генератора просто испепелит, разнесет на атомы этого веселого и доброго русского?..»

– Десять... девять... восемь...

«Ты не имеешь права сомневаться! – прикрикнул он на себя. – Если не ты, то кто же? Они поверили в тебя! Параметры просчитаны на десять раз...»

– Четыре... три... два... один... zero!

С колонн генератора сорвалось бледно-зеленое полотнище разряда и ударило в икосаэдр вактера. Мгновенно образовавшийся такого же цвета купол накрыл площадку с человеческой фигуркой на постаменте, и разом все стихло. Исчезла световая пляска, пропал давящий на уши низкий гул, рассеялся бледно-зеленый купол, и все увидели, что площадка опустела. Ни тела, ни одежды.

Несколько секунд все молчали.

– Ну вот, первая часть эксперимента прошла успешно, – хриплым от волнения голосом сказал профессор Нганакаа.

– Откуда вы знаете? – также хрипло откликнулся Ежи.

– Предполагаю, – жестко отрезал начальник проекта. – И вам советую! – Он взглянул на цифровое табло таймера над входом в зону Х. – О результатах мы узнаем максимум через... двадцать минут.

– Почему двадцать?

– Я приказал установить на хронодатчике время автоматического возврата. Чтобы избежать неприятных неожиданностей.

– Каких еще неожиданностей? – На Костецки было жалко смотреть.

– Например, дезинтеграция объекта в момент перехода...

– Этого не должно случиться!

– И все-таки я предпочел подстраховаться. – Нганакаа повернулся к секретарю. – Уно, принесите мне стакан пейотля.

Молодой человек как всегда неслышно исчез из зала. Костецки, чтобы хоть как-то отвлечься от дурных мыслей и унять волнение, сказал:

– Господин профессор, извините, давно хотел спросить: а ваш секретарь – кто он?

– В каком смысле?

– Мне кажется, иногда... что он – не человек?

– Уно – биотех последнего поколения. Он ничем не отличается от человека, кроме происхождения и... некоторых психических характеристик.

– Он клонирован?!

– Нет. – Нганакаа раздраженно глянул на помощника. – Если вам так интересно, Уно – искусственный биологический организм. Его ДНК не чья-либо, а заново синтезирована в ПЦР-инкубаторе* из рекомбинантных генов.

– Биоробот!.. – тихо ахнул пораженный Ежи.

– А вы что подумали?

– Ну, я считал биотехов... неживыми, вроде машин...

– Компьютеры с руками и ногами? – мрачно пошутил Ван Дамм, слышавший весь разговор. – Это уже – вчерашний день, парень!

Костецки смутился окончательно. Он и не рад был, что затронул столь щекотливую тему. Но голландец, явно тоже нервничавший, решил видимо просветить «молокососа», по какому-то капризу судьбы оказавшегося его начальником.

– Рекомбинаторика в геномном конструировании применяется уже лет десять. После того как Дайкирк доказал принципиальную возможность управляемой обратной транскрипции в искусственной среде, создание н-ДНК превратилось в чисто техническую задачу.²⁷

– Вы хотите сказать, что теперь создание живых организмов перестало быть таинством природы? – Ежи не понравился менторский тон главного инженера. К тому же он был воспитан в традиционной католической семье и любое вмешательство науки в промысел Божий считал кощунственным и недопустимым. – Но ведь совместный мораторий ВОЗ и ООН на клонирование любых живых существ никто не отменял?

– А где вы видите клоны? Я же сказал: создание н-ДНК! Того, чего в природе не существует, но могло бы существовать.

– Все равно, это...

Договорить они не успели. По залу разнесся тяжелый вздох, неприятно ударивший по ушам, а в следующее мгновение вокруг площадки с постаментом снова вспыхнуло пульсирующее сияние, принявшее форму шара. Через пару секунд сфера вдруг раскололась со звуком лопнувшей струны и истаяла в воздухе искристыми лоскутами. И все присутствующие увидели на постаменте лежащего навзничь человека.

Костецки опомнился первым и сломя голову бросился к площадке. Следом устремилась группа технического обеспечения эксперимента в скафах. Но неожиданно мимо них вихрем пронеслась тонкая рыжеволосая фигурка и буквально взлетела по крутой металлической лестнице на площадку с постаментом. Каллахен?!.. Никто из мужчин не успел среагировать на девушку. В следующую секунду Ежи рванулся за ней, но командир группы успел перехватить поляка у самой лестницы.

– Стойте, доктор! Туда нельзя!

– Там же Стейси! И Анатолий!..

– Говорю вам, подождите! – жестко повторил техник. – Вблизи вактера может быть опасно.

Костецки настороженно посмотрел вверх. Девушка приникла к Буркову, быстрыми движениями рук будто ощупывая тело – цел ли?.. «Вот, оказывается, как, – растерянно подумал Ежи. – Значит, ее улыбка – лишь знак уважения. А я-то размышлялся...» Между тем техническая группа поднялась на площадку, оттеснила Стейси и окружила постамент. Костецки нетерпеливо топтался внизу. К нему присоединились Нганакаа и Ван Дамм, чуть дальше держались остальные участники эксперимента и наблюдатели. Всем не терпелось узнать результат.

– Прошло всего пять с половиной минут от начала эксперимента, – громко проговорил главный инженер. – Значит, Бурков сам нажал кнопку возврата?

– Не факт, – откликнулся за его спиной Велисевич.

– Тогда кто же?

– Абориген например...

– Какой еще абориген?!

²⁷ Имеется в виду каскад биохимических реакций, позволяющий воссоздавать ДНК на основе РНК. В природе известен только у некоторых вирусов – РНК-вирусов. Ван Дамм называет такую ДНК – н-ДНК.

– Ну, «тамошний» житель. Обитатель, словом.

– Откуда «там» жители?! Что за ерунду вы городите? – Голландец уставился на физика бешеными глазами.

– А кто же они, по-вашему, динозавры, что ли? – Павел смотрел на него невинным и абсолютно серьезным взглядом.

– Можно подниматься, – объявил сверху командир техников, и ученые дружно затопали по лестнице.

Костецки первым оказался наверху, на секунду задержался возле Стейси, с отрешенным видом прислонившейся к ограждению. Ежи открыл было рот, чтобы сказать что-нибудь ободряющее, но слова застряли в глотке. Девушка неотрывно смотрела широко раскрытыми сухими глазами на постамент, ее губы были плотно сжаты, а пальцы рук сцеплены так, что побелели костяшки. Ежи сглотнул и шагнул к постаменту. Там действительно лежал Бурков. Одетый. И очень бледный. Поляк осторожно прикоснулся к его руке. Анатолий неожиданно вздрогнул и открыл глаза. У присутствующих вырвался вздох облегчения.

– Какое в тебе самочувствие? – хрипло спросил Костецки.

– Двоечник, – попробовал улыбнуться Бурков. – Надо говорить: «Как ты себя чувствуешь?»... А вообще-то хреново!..

– Ты кого-нибудь видел? Или хоть что-нибудь?

– Лучше бы не видел...

– Но что?

– Мистер Костецки! – одернул своего помощника подоспевший Мбонга. – Все вопросы потом. – И начал отдавать распоряжения: – Господина Буркова немедленно поместить в медицинский блок. Всем участникам – спасибо, заканчивайте работу и готовьте отчеты. Завтра утром к десяти ноль-ноль всем быть в зоне X-001 на совещании.

Два рослых парня из медико-биологической группы споро погрузили Буркова на носилки и рысцой направились к выходу из зала «Хроноса». Ежи увязался за ними и, когда остановились у лифтов, снова тронул друга за руку:

– Кого же ты встретил «там», Анатолий?

– Не знаю. Но они были очень похожи на нас...

Двери лифта сошлись, словно укрывая отчаянного русского парня от привычной суетности гигантского научного комплекса. Костецки несколько мгновений постоял, стараясь унять обеспокоенно бьющееся сердце, затем повернул назад, к залу «Хроноса», и вновь замер, наткнувшись взглядом на тонкую фигурку в проеме коридора.

– С ним все будет в порядке, Стейси, я обещаю, – одними губами прошептал Ежи, но девушка, будто услышав его, чуть склонила голову и быстро исчезла в глубине коридора.

Глава 4. «Серые»

*Париж, главный офис Совета безопасности ООН
31 августа 2060 года, 11:00 по СМВ*

На этот раз Большой зал Совета безопасности ООН, обычно пустой и гулкий, был забит до отказа. Даже дополнительные навесные балкончики сегодня оказались заполнены чуть не за два часа до начала заседания. Тема заседания оказалась настолько важной и животрепещущей, что члены Совета посчитали резонным сделать его открытым для прессы. Центральный подиум с полукруглым столом заседаний для действительных членов Совбеза пока пустовал. Лишь изредка на нем появлялись неслышно снующие в общем шуме, быстрые и деловитые секретари, раскладывающие папки с копиями документов, да техники, настраивающие индивидуальные интерьы заседателей.

Председатель Совбеза Фрэнк Роулинг наблюдал за всей этой суетой по монитору в своем кабинете, покуривая любимую трубку. Напротив него в удобном кресле разместился большой рыхлый человек, облаченный в светлый полотняный костюм старомодного покроя. Гость тоже курил – длинную и толстую черную сигару с золотым ободком возле мундштука. Маленькие пороссячи глазки посетителя, почти утонувшие в заплывших жиром набрякших веках, тем не менее светились живым и недобрым огнем любопытства пополам с завистью и непрерывно рыскали по сторонам, словно пытаясь обнаружить в кабинете нечто запретное или опасное. Обширная складчатая лысина гостя поблескивала бисеринами пота, хотя кондиционер кабинета работал в оптимальном режиме комфорта.

– Не нравится мне эта затея, Фрэнк, – произнес вдруг толстяк неприятным скрипучим голосом, не вынимая сигары из слюнявого рта.

– Что именно тебе не по душе, старина? – благожелательно приподнял кустистую бровь хозяин кабинета.

– Почему именно СКБ должна принять квалитет ответственности по использованию вактеров? Неужели нельзя было оставить приоритет за Совбезом? Это же вполне логично!

– Я понимаю твои опасения. Боишься, что безопасники заберут слишком много власти и станут неуправляемыми?

– Я ничего не боюсь, Фрэнк! Ты знаешь, – оскалился гость. – Я переживаю за тебя. Что если этот индус спустя какое-то время покусится и на твое кресло? На его месте я бы так и поступил!

– Джамар весьма щепетилен в подобных вопросах, – отмахнулся Роулинг и прищурился на собеседника. – Сдается мне, ты о себе печешься, Карлос. Прикидываешь, что будет с твоими «грязными» заводами, если в этом кресле окажется другой?

Карлос Кастилья дон Аламос, владелец транснациональной корпорации «Cold Fusion Reactions Inc.»²⁸, занимающейся изготовлением дешевых, но экологически «грязных» реакторов в основном для слаборазвитых стран Африканского континента и Океании, был давним приятелем председателя Совета безопасности еще в пору работы последнего в должности президента Международного атомного комитета. Вдвоем они тогда провернули немало дел по левым поставкам сырого урана негритосам и папуасам. А когда Роулинг пересел в кресло повыше, толстяк Аламос и вовсе почувствовал полную безнаказанность. Он даже сумел приобрести в личное пользование настоящий вактер через подставную фирму, лицензированную не без участия председателя Совбеза! И установил его в своем замке в Боливийских Андах в качестве индивидуального энергоблока, замаскированного под мини-гид-

²⁸ «Холодные термоядерные реакции» (англ.).

роэлектростанцию на одной из многочисленных безымянных горных речек. И вот теперь, если проект решения Совета безопасности ООН о передаче качества ответственности по использованию вактеров Службе космической безопасности будет утвержден, Карлосу придется расстаться и со своим вактером. Причем добровольно, иначе есть риск попасть в «черный список» безопасников, а там и до расследования недалеко...

– Мы с тобой не альтруисты, Фрэнк. И никогда ими не были, – недобро усмехнулся дон Аламос. – Я могу остаться не только без вактера и бизнеса, но и свободу потерять. А своя шкура мне дороже всего! Скажи, мы можем как-то повлиять на решение Совета?

– Боюсь, что нам не найти таких аргументов, чтобы перевесили один главный, – покачал головой Роулинг, не отрываясь от монитора. – «Хронос» – единственная возможность человечества спастись от Столкновения, а вактеры необходимы для накопления энергии. «Головастикам» Мбонги все же удалось переделать их. И, к сожалению, это правда!

– Дьявол! Неужели нет альтернативы?!

– Увы, старина. Иногда случается и такое. А умирать никому не хочется. Так что пусть их, согласимся под неопровержимыми доводами и, пока еще есть время, будем искать другой выход. – Председатель отложил погасшую трубку и поднялся. – Всё, приготовления закончены. Идем, Карлос, история не должна вершиться без нашего участия, даже если нам с ней не по пути!

– Значит, говоришь, будем искать другое решение проблемы? – Дон Аламос с трудом выбрался из кресла и швырнул недокуренную сигару в пепельницу. – Тогда я, кажется, смогу предложить вскоре кое-что. Тебе должно понравиться! – Он осклабился. – Идем, поучаствуем в этом балагане.

Оба покинули кабинет одновременно, но разными путями. Толстяк Карлос вышел через боковую дверь и оказался у служебной шахты лифта, а Роулинг прошел через приемную, бросив дежурному референту:

– После заседания вернусь. Записывать все звонки и почту. Все встречи переносятся на завтра!

Молодой человек за интером секретаря молча кивнул и снова углубился в чтение каких-то документов. Поэтому он и не заметил, как в глубине кабинета шефа мелькнула странная серая, будто полуразмытая фигура. Она двигалась настолько стремительно, что ни датчики движения, ни тепловые сенсоры сторожевой системы кабинета, настроенные на обычные скорости земных существ, поначалу не отреагировали на присутствие постороннего. Фигура замерла на несколько мгновений возле рабочего места председателя Совбеза. Сам собой вспыхнул и погас через пару секунд экран интера и осветил на миг лицо пришельца, лишь отдаленно напоминающее человеческое. Только после этого система охраны очнулась и выдала на пульт сигнал тревоги, но было поздно. Незнакомец отвернулся от стола, будто вывернулся внутри себя, сделал шаг в сторону и исчез.

*Плато Шира, предгорья Килиманджаро
31 августа 2060 года, 15:15 по СМВ*

Костеcki устало откинулся на спинку стула и потер кулаками саднящие глаза. Всю последнюю неделю после эксперимента «Хроноскоп» он почти не спал.

Запуск в иновремениe, который поначалу все сочли удачным, очень скоро показал свою истинную сущность. Первой неожиданностью стало резкое ухудшение здоровья Анатолия Буркова. Уже находясь в реанимационном блоке, подключенный к СБЖО – системе базового жизнеобеспечения, он вдруг резко побледнел, покрылся странными синеватыми пятнами и потерял сознание. Компьютер констатировал глубокую вегетативную дисфункцию всего

организма²⁹. Но несмотря на все усилия медиков вывести из комы русского ученого до сих пор не удалось.

Стейси Каллахен, едва узнав о тяжелом состоянии Анатолия, примчалась в реанимационный блок и заявила, что сама будет ухаживать за русским. Никакие уговоры и аргументы на нее не действовали, даже личное распоряжение грозного Нганакаа. Профессор, взбешенный строптивостью подчиненной, уже готов был подписать приказ об увольнении англичанки, но тут вмешался Ежи. На правах первого помощника он без приглашения вошел в кабинет Нганакаа и покинул его лишь спустя полчаса. О чем говорили два главных человека «Хроноса», так и осталось неизвестным, но вопрос о присутствии Стейси в реанимационном блоке больше не поднимался, и девушка теперь сутками не отходила от постели Анатолия, быстро освоив управление всей установленной в блоке аппаратурой. А Костецки каждый раз, навещая друга, подолгу молча сидел рядом, потом так же, не говоря ни слова, целовал девушке руку и уходил.

Второй неприятностью стало появление в комплексе привидений. Поначалу отдельные сообщения, не связанные между собой, поступали в основном от технического персонала, занятого проверкой и отладкой систем жизнеобеспечения комплекса. Эта гигантская разветвленная сеть коридоров, шахт, колодцев и бункеров по своему объему, пожалуй, даже превосходила объем обитаемой части «Хроноса». Невзирая на многоуровневую защиту, мелкие обитатели из внешнего мира – вроде тараканов, скорпионов, змей, грызунов – умудрялись проникать внутрь комплекса и периодически пугали дежурных техников, набранных в основном из местного населения.

Поэтому когда один из чернокожих электриков, серый от страха, вдруг ввалился в дежурное помещение, вопя: «Monster! Awful ghost!»³⁰, оператор решил, что парень пьян, и отправил его в медотсек на освидетельствование. Однако никаких следов алкоголя, равно как и наркотиков, в крови у техника обнаружено не было, а ментальное сканирование наоборот показало, что тот действительно видел какое-то непонятное существо в трансформаторном блоке жилой зоны. Однако охранные системы не зафиксировали при этом *никакого* постороннего движения. Происшествие сочли курьезом. Но вслед за первым случаем сообщения и свидетельства посыпались как из рога изобилия. И не только от техников.

²⁹ Помимо центральной нервной системы в организме имеется вегетативная нервная система. Сбой в ее работе может, в частности, привести к полному разрегулированию основных физиологических процессов, и даже к смерти.

³⁰ «Чудовище! Ужасный призрак!» (англ.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.